

The background of the entire cover is a detailed painting. It depicts a young boy and a young girl sitting on a grassy lawn in a garden. The boy, on the right, is wearing a white long-sleeved shirt and brown shorts, and is petting a small, fluffy, light-brown dog. The girl, on the left, is wearing a white dress and has a small purple flower in her hair. They are surrounded by a dense, vibrant bush of purple flowers, likely lilacs, which fills the upper two-thirds of the image. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting a late afternoon or early morning setting.

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

В сиреневом саду

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Луиза Мэй Олкотт

В сиреневом саду

«Азбука-Аттикус»

1878

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

В сиреневом саду / Л. Олкотт — «Азбука-Аттикус»,
1878 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-25729-0

Луиза Мэй Олкотт – американская писательница, автор знаменитого романа «Маленькие женщины», который принес ей мировую славу и любовь читателей. До сих пор книга остается одним из самых значимых произведений американской литературы. В своем позднем романе «В сиреневом саду» (1878) Олкотт рассказывает историю двенадцатилетнего мальчика по имени Бен и его верного пса Санчо, убежавших из цирка и после долгих скитаний нашедших новый дом в дружной, веселой семье. Как и в прочих книгах Олкотт, маленьким героям придется преодолеть множество трудностей, научиться терпению и прощению, и в этом им помогут искренняя любовь, дружба, отвага и вера. В настоящем издании роман представлен в новом переводе Антона Иванова и Анны Устиновой.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-25729-0

© Олкотт Л., 1878

© Азбука-Аттикус, 1878

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	19
Глава V	23
Глава VI	28
Глава VII	32
Глава VIII	37
Глава IX	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Луиза Мэй Олкотт

В сиреневом саду

Эмме, Иде, Карлу и Лине

*эта маленькая книга с любовью посвящается
их новым другом и сестрой.*

Л. М. О.

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

Глава I

Таинственный пес

Аллея вязов совсем заросла. Огромные ворота в стене вечно стояли запертые. И старый дом тоже был заперт, многие годы оставаясь необитаемым.

Тем не менее оттуда порой доносились голоса, и тогда ветви сирени над высокой стеной принимались кивать, словно бы говоря: «Будь у нас такое желание, мы поведали бы вам превосходнейшие секреты». И коровяк, росший возле ворот, чуть не подпрыгивал, стремясь достать до замочной скважины, сквозь которую ему стало бы видно, что творится внутри. Если бы он действительно смог однажды июньским днем вдруг резко взмыться вверх, как бобовый стебель из сказки, и достигнуть желанной цели, ему открылось бы сколь забавное, столь и привлекательное зрелище: у кого-то намечался праздник.

От ворот к крыльцу шла широкая, вымощенная плитами из темного камня дорожка. Кусты по обеим ее сторонам сверху сошлись, а внизу их заполонили разнообразные дикорастущие цветы вперемишку с сорными травами, и походило это пространство на летний зал, стены которого украшены превосходными гобеленами. В центре дорожки виднелся стол из доски, подпертой двумя деревяшками и покрытой весьма потрепанным клетчатым платком. На нем с большой элегантностью был расставлен миниатюрный чайный сервиз. Истины ради стоит отметить, что чайник утратил носик, молочник – ручку, крышка у сахарницы отсутствовала, чашки и блюдца потрескались и обкололись, но разве вежливые гости обращают внимание на подобные мелочи? А пригласили на этот праздник гостей исключительно вежливых.

Слева и справа от крыльца стояло по скамейке, и здесь любому глазу, подглядывавшему сквозь вышеупомянутую замочную скважину, предстала бы картина весьма занимательная. На левой скамейке лежали семь кукол, на правой – шесть, и столь разнообразными гримасами были искажены их лица в зависимости от количества изъязнов, полученных в процессе краткого или длительного использования, и грязи, пристававшей к ним, что напрашивалась вполне естественная догадка: это кукольная больница, и пациентам вскорости предстоит чаепитие. Но налети вдруг ветер и подними над куклами то, чем их укрыли до самых голов, вы с грустью бы убедились, насколько ложные представления о действительности складываются на основании слишком скоропалительных выводов.

Никакой больницы и никаких пациентов. Куклы лежали полностью одетые и совершенно готовые к празднику, попросту отдыхая перед его началом.

Другая деталь озадачила бы любого, кто незнаком с повадками и обычаями кукол. Четырнадцатая кукла – девочка с тряпичным телом и фарфоровой головой – висела на входной двери на ржавом дверном молотке. Блестящие ее светлые кудри увенчивала гирлянда из крохотных цветов, над головой колыхалась веточка лиловой сирени, тонкую изящную фигурку облегалo желтое платье из набивного ситца, щедро украшенное красными фланелевыми воланами, синие ботиночки на ногах если не самым изящным, то уж определенно дружелюбным образом развернулись друг к другу мысками. Любое юное сердце, способное сострадать, жалось бы от сочувствия и замешательства. Почему, ох, почему столь прекрасная куколка оказалась обречена на повешение? Отчего на нее так тарашатся тринадцать сородичей? Казнь преступницы повергла их наземь от ужаса? Или она совсем не преступница, а их идол и ей принято поклоняться лежа? Ни то ни другое, друзья мои. Эту куклу-блондинку звали Белинда. Место на двери считалось самым почетным. И висела она там сейчас в честь седьмого своего дня рождения – великого события, по поводу которого вскорости должен был состояться праздник. Все, конечно же, ждали приглашения к праздничному столу, но отличались до того безупречным воспитанием, что ни один из двадцати семи глаз ни разу не повернулся в ту сто-

рону. Именно двадцати семи, так как с гарусного лица голландца Ганса одна черная бусинка-глаз потерялась. И восхищенные взгляды всех чинно лежащих рядами кукол были направлены исключительно на Белинду. Радость и гордость до того распирали ее набитую опилками грудь, что едва не лопались швы, и она, не в силах сдерживать эмоции, то и дело подпрыгивала, стоило налетевшему ветерку раздуть ее желтые юбки, или при его же деятельной поддержке синие ботиночки принимались выплясывать на двери танец, напоминающий джигу. Висеть на двери ей было явно не больно, о чем свидетельствовала ее счастливая улыбка. По-видимому, красная ленточка не слишком сдавливала ей шею. А если сама виновница торжества не жаловалась, кто же из остальных имел право на это? Тишина стояла торжественная и полная. В нее не вторгался даже храп Дайны, от которой был виден из-под одеяла только тюрбан. И малышка Джейн помалкивала, хотя ножки ее оголились, что у менее воспитанного младенца наверняка вызвало бы негодующий писк.

Вскоро издала раздались голоса, они делались все отчетливее и громче, и наконец из арки, ведущей к боковой дорожке, вышли две девочки. Одна несла небольшой кувшин, другая гордо тащила прикрытую салфеткой корзину. Они могли показаться близняшками, на самом же деле возраст их разнился в год, хотя старшая, Бэб, ростом была всего на дюйм выше Бетти. Коричневые их платья из ситца после недели носки утратили немного свою свежесть, зато чистые розовые фартучки, надетые в честь предстоящего события, придавали девочкам настолько праздничный вид, что даже унылость серых чулок и грубость тяжелых ботинок не особенно бросались в глаза. На круглых, загорелых лицах обеих играл румянец. Курносые носы покрывала легкая россыпь веснушек. Голубые глаза весело поблескивали. За спинами болтались косички, совсем как у милых девочек Кенвигс из романа Диккенса «Николас Никльби».

– Ну разве они не прелестно выглядят! – воскликнула Бэб, с материнской гордостью глядя на левый ряд кукол, которые могли бы весьма подходяще к случаю хором пропеть в ответ: «Нас семеро!»¹

– Очень мило, – согласилась Бетти. – И Белинда моя лучше всех. По-моему, она самый прелестный ребенок на свете.

С этими словами Бетти, поставив корзину на землю, освободила руки и устремилась обнять свою подвешенную любимицу, которая в очередном радостном порыве вскинула ноги.

– Пирог, возможно, остынет, пока мы приводим в порядок детей, – сказала Бэб. – Ах, как же он аппетитно пахнет, – добавила она, приподняв салфетку и с удовольствием поглядев на маленький круглый хлебец внутри.

– Оставь мне немного запаха, – потребовала Бетти, бегом поспешая назад и желая получить по-честному долю пряного аромата, которая ей причиталась.

И два курносых носика принялись упоенно вдыхать его, а четыре блестящих глаза разглядывали прекрасный пирог – золотистый, блестящий, с аппетитной корочкой, да к тому же еще с буквой «Б», которая, правда, с положенного ей места посередине сползла почему-то на сторону.

– Мама мне позволила положить ее в самый последний момент, и она так припеклась, что я уже не могла потом поправить. Но если мы отдадим кусок с буквой Белинде, все будет в порядке. – Бетти взяла бразды правления в свои руки: виновницей праздника как-никак было ее дитя.

– Давай посадим их в кружок, – сказала Бэб и, подпрыгивая, подсакивая и приплясывая, отправилась собирать свое семейство.

Бетти не возражала, и нескольких следующих минут сестры сосредоточенно рассаживали своих питомцев вокруг стола. Задача, заметим, отнюдь не простая. Ведь некоторые из этих

---

¹ Отсылка к одноименному стихотворению Уильяма Вордсворда (1770–1850) о девочке и шестерых ее братьях. – *Здесь и далее примечания переводчиков.*

милых существ были столь мягкими, что едва удерживались в сидячих позах, а другие до того жесткими, что стульчики им негодились. Вот и пришлось изобретать на ходу конструкции, которые соответствовали особенностям телосложения каждой куклы.

Справившись наконец с этим утомительным делом, любящие мамочки отступили назад, чтобы понаслаждаться зрелищем, и оно, уверяю вас, действительно впечатляло. Белинда с большим достоинством восседала во главе стола. Руки ее изящно придерживали на коленях носовой платочек из розового батиста. Места рядышком с ней удостоился ее кузен Джозефус в элегантном новом хлопковом зелено-лиловом клетчатом костюме и соломенной шляпе, великоватой его голове на несколько размеров, из-за чего выразительное лицо кузена почти скрывалось от посторонних глаз. А по обе стороны от новорожденной сидели гости самых разнообразных размеров, комплекций и возрастов, да к тому же и разностильно одетые, так как при выборе своего гардероба полностью проигнорировали веяния моды.

– Они, вероятно, хотят, чтобы мы подали им чай. Ты не забыла про булочки? – с тревогой осведомилась Бетти.

– Нет. Я принесла их в кармане, – ответила Бэб, выуживая из кучи предметов, которые у нее там хранились, две порядком зачерствевшие и обкрошившиеся булочки, сбереженные для праздника от обеда. Девочки нарезали их на кусочки и разложили на тарелочки, изящно расставленные вокруг пирога, еще по-прежнему пребывавшего в корзине.

– Ма не смогла дать много молока, поэтому нам придется разбавить его водой. Так даже лучше. Ма всегда говорит, что чересчур крепкий чай детям вреден. – Бэб кинула взгляд на маленькую бутылочку со снятым молоком, прикидывая, до какого объема нужно его довести, чтобы утолить жажду всей кукольной компании.

– Давай-ка сядем и отдохнем, пока чай настаивается, а пирог остывает. Я так устала, – выдохнула Бетти, садясь на крыльцо и вытягивая пухлые ножки, которые весь этот день непрерывно двигались. Ведь наслаждению замечательным праздником предшествовало немало работы.

Бэб села рядом с сестрой и принялась лениво глядеть на дорожку к воротам, где тонкое кружево паутины сияло, вызолоченное полуденным солнцем.

– Ма говорит, теперь, после бури, стало теплее и суше, и она через пару дней собирается в Старый Дом, а мы можем пойти вместе с ней. Прошлой осенью, ты ведь помнишь, она нас не взяла, потому что у нас был коклюш, а там было сыро. Наконец-то мы увидим все самое интересное. Правда здорово? – чуть помолчав, добавила Бэб.

– Еще бы. Ма говорит, там в одной комнате много книг, и я их смогу посмотреть, пока она займется делами. Может, даже какие-нибудь прочесть успею и потом перескажу тебе, – откликнулась Бетти. Она обожала сказки, только вот у нее редко появлялись новые.

– А я бы хотела увидеть старое веретено на чердаке, большие картины и ту необыкновенную одежду в синем сундуке, – лелеяла свои планы Бэб. – Жутко злит, что там заперто. Мы могли бы весело проводить с тобой время внутри. Вот прямо вышибла бы эту старую дверь! – Бэб развернулась, изготавившись пнуть ее ногой в тяжелом ботинке. – И не смейся. Тебе точно так же этого хочется. – Бэб отвернулась от двери, немного стыдясь своего порыва.

– Я не смеялась, – заверила Бетти.

– Смеялась, – упорно стояла на своем Бэб. – Думаешь, я не поняла?

– А я поняла, что не смеялась.

– Смеялась. И не смей мне врать.

– Если повторишь это еще раз, возьму Белинду и уйду с ней домой. Что ты тогда станешь делать?

– Съем пирог.

– Нет, не съешь. Ма сказала, он мой, а ты сегодня пришла со мной за компанию. Так что води себя как следует. Иначе не стану устраивать праздник. Вот.

Леденящая душу угроза, высказанная далеко не шуточным тоном, возымела эффект, и Бэб тут же поторопилась перевести разговор на более безопасную тему:

– Ладно. Давай-ка при детях не ссориться. Ма говорит, когда в следующий раз пойдет дождь, она разрешит нам играть в каретном сарае, и мы можем даже ключ от него оставить себе, если хотим.

– Ой, замечательно! Наверное, она так решила после того, как мы рассказали ей про маленькое окошко, которое обнаружили за плющом. Пролезть внутрь сквозь него ничего не стоило, но мы не стали! – воскликнула Бетти, очень довольная, что сестра больше не злится. За десять лет знакомства с ней она успела достаточно свыкнуться с ее взрывным характером и научилась быстро гасить назревающие конфликты.

– Карета, наверное, там вся в пыли, крысах и пауках, но мне все равно, – решительно проговорила Бэб. – Ты с куклами можешь стать пассажиркой, а я буду кучером.

– Ты всегда им становишься. А мне, между прочим, надоело постоянно быть лошадью с деревянным мундштуком во рту, чтобы ты меня дергала за руки, как за вожжи, – посетовала Бетти, которой давно наскучила эта роль.

– По-моему, нам уже пора набирать воду, – поторопилась отвлечь ее Бэб, опасаясь, как бы ей самой не пришлось согласиться стать лошадью.

– Мало кто решился бы оставить своих детей наедине с таким прекрасным пирогом, – горделиво заметила Бетти, когда они поспешили с маленькими железными ведерками в руках к ручью.

Но горе излишне беспечным мамам! Отлучившись всего на каких-нибудь пять минут, они застали по возвращении картину настолько ошеломляющую, что у них от ужаса вырвался дружный вопль. Все четырнадцать кукол лежали плашмя вниз лицом, а драгоценный пирог исчез.

Мгновение они стояли, в силах лишь немо взирать на свершившуюся катастрофу, а затем Бэб яростно отшвырнула свое ведро и свирепо выкрикнула:

– Это Салли! Она пригрозила мне отомстить за то, что я ее шлепнула, когда она стала щипать маленькую Мэри Энн. И вот ее месть. Ну я ей задам! Ты беги в эту сторону, а я – в ту. Скорее! Скорее!

И они побежали. Бэб вперед, а обескураженная Бетти развернулась и что было сил затрусила в противоположном направлении, выплескивая на себя воду, потому что в расстроенных чувствах забыла оставить ведро. Так они с разных сторон обежали дом и у задней двери врезались друг в друга, однако ни та ни другая нигде не заметили признаков вора.

– Наверх к аллее! – воскликнула Бэб.

– Вниз к ручью! – пропыхтела Бетти.

И они вновь понеслись каждая в свою сторону. Одна – к стене, чтобы, забравшись на гору камней, выглянуть на аллею, другая – туда, где они набирали воду. И все равно девочки никого не увидели. Лишь ни в чем не повинные одуванчики взирали на Бэб да Бетти вспугнула внезапным своим появлением коричневую птицу, которая мирно купалась в ручье.

Они помчались обратно, и там их подстерегало новое потрясение, от которого им пришлось с дружным паническим «ой!» взлететь в поисках убежища на крыльцо. Посреди руин пира преспокойно стоял незнакомый пес, нагло и самодовольно облизываясь после съеденных булочек и пирога, похоже поглощенного им вместе с корзиной и прочим, что к нему прилагалось.

– Какой негодяй! – вскричала Бэб, горя желанием дать достойный отпор узурпатору и в то же время опасаясь, что пес может оказаться не только бесчестным, но и опасным.

– Он очень похож на нашего фарфорового пуделя, – заметила съездившаяся Бетти, прячась за спину своей более решительной сестры.

Сходство и впрямь усматривалось, с той только разницей, что этот пес был гораздо больше и грязнее, чем их тщательно промытое изделие из китайского фарфора. Но шерсть на том и другом выглядела одинаково: коротко стриженная, за исключением пышной, как у льва, гривы, оборочек внизу на лапах и кисточки на хвосте. Правда, глаза у настоящего были желтые, в отличие от блестяще-черных глаз фарфорового, и нос не черный, а розовый. Ну и главное, фарфоровый пудель, уже три года чинно стоящий на каминной полке в гостиной, нипочем не пустился бы на столь ошарашивающие проделки, изумившие двух девочек.

Сперва он вытянул вертикально вверх тело, передние лапы сложил вместе, будто о чем-то выпрашивая. Затем неожиданно вскинул задние лапы в воздух и принялся с легкостью ходить на передних. Сестры еще до конца не пережили это потрясение, когда пес снова встал на задние лапы и, вытянувшись в струнку, несколько раз по-военному промаршировал взад-вперед. Венцом же этого представления стало следующее: пес изогнулся кольцом, поймал зубами собственный хвост, закрутился по дорожке над лежащими вниз лицом куклами, проследовал, словно вальсируя, до самых ворот и вернулся обратно, едва не опрокинув разоренный стол.

Бэб и Бетти, держась друг за друга, лишь взвизгивали от восторга. Никогда еще им не доводилось видеть что-то настолько смешное. Но, завершив свои трюки, пес подошел к крыльцу, встал перед девочками на ступеньки, принялся громко лаять и принюхиваться своим розовым носом к их ногам. Под пристальным взглядом его желтых глаз сестры замерли. Страх снова вернулся к ним. Им было боязно даже пошевелиться.

– Вон отсюда! Уходи! – все же нашла в себе силы скомандовать Бэб.

– Брысь! – следом за ней произнесла дрожащим голосом Бетти.

К их великому изумлению, это подействовало. Незванный гость еще несколько раз вопросительно гавкнул и ринулся прочь так же стремительно, как и появился. Девочки бросились следом. Им интересно было узнать, куда он побежал, и, пронесшись по саду, они увидели в дальнем его углу хвост с кисточкой, который, скользнув под оградой, исчез.

– Как ты думаешь, откуда он? – сев отдышаться на большом камне, спросила Бетти.

– Мне бы тоже хотелось узнать. Нашла бы его и вздула как следует, – свирепо проговорила Бэб, вспомнив о нанесенном уроне.

– Надеюсь, он хоть обжегся, когда ел наш пирог, – с грустью произнесла Бетти, подумав о дюжине превосходных изюмин и о других очень вкусных вещах, которые мама дала им для этого пирога.

– Праздник испорчен. Пошли отсюда. – И Бэб с унылым видом двинулась к дому.

Лицо Бетти сморщилось в готовности заплакать от горя, но вместо этого она вдруг расмеялась:

– Ой, как уморительно он кружился, а после на голове ходил! Хотела бы я это снова увидеть. А ты?

– Да. Но я все равно его ненавижу. Интересно, что скажет ма, когда... Но это... Как это?... – И Бэб резко остановилась, до такой степени округлив глаза, что они могли посоперничать величиной со стоявшими на чайном подносе голубыми блюдцами.

– Что случилось? Ой, что случилось? – вскричала Бетти, готовая улепетывать со всех ног от любого нового ужаса.

– Видишь? Там. Он вернулся, – выдохнула потрясенным шепотом Бэб, указывая на стол.

Едва глянув в ту сторону, Бетти округлила глаза еще сильнее сестры. Потому что там, на том самом месте, где девочки его сначала оставили, снова возник пропавший пирог. Точно такой же, как был, нисколько не пострадавший, только большая буква «Б» съехала еще ниже по склону имбирного холма.

Глава II

Где нашелся его хозяин

Пораженные до глубины души, обе сестры, словно по команде, с опаской подкрались к пирогу и дотронулись до него робкими пальчиками, вполне ожидая, что он может вдруг подлететь и таинственным образом вновь испариться. Пирог, однако, по-прежнему смиренно лежал в корзинке. Девочки облегченно перевели дух. В фей, вообще-то, они не верили. Вот только чем, кроме их колдовских проделок, объяснить цепь последних событий?

– Собака его не съела!

– Салли его не брала.

– Откуда ты знаешь?

– Она никогда бы его не вернула.

– Кто же тогда?

– Не знаю, но кто бы это ни был, я его прощаю.

– Ну а нам-то теперь чем заняться? – спросила Бетти, весьма сомневаясь, что после пережитых треволнений возможно посвятить себя безмятежному чаепитию.

– Съедем поскорее пирог. – И Бетти, ловко взмахнув большим ножом, моментально разрешила обретенного беглеца, видно страшась, как бы он опять не выкинул какое-нибудь коленце.

Умять пирог много времени не потребовалось, потому что, во-первых, они запивали его молоком, а во-вторых, торопливо жевали, то и дело бдительно оглядываясь. Ведь если странный пес столь быстро исчез, то мог столь же быстро и появиться.

– Вот теперь хотела бы я посмотреть на того, кто попробовал бы отнять мою порцию, – вызывая проговорила Бэб, дожевывая последнюю корочку.

– Или мою, – прокашляла Бетти, у которой в горле застрял изюм.

– Теперь давай наведем порядок и поиграем, будто здесь случилось землетрясение, – предложила Бэб, посчитавшая, что ничем, кроме природного катаклизма, не объяснишь уныния, охватившего ее кукольное семейство.

– Прекрасно! – с удовольствием поддержала идею Бетти. – Бедную мою Линду сбросило носом вниз. Милая моя деточка, иди скорей к своей мамочке, чтобы она тебя привела в порядок, – промурлыкала она, поднимая упавшую куклу из зарослей мокричника и стирая грязь с продолжавшего героически улыбаться кукольного лица.

– У нее сегодня наверняка случится круп, поэтому необходимо сделать микстуру из сахара, – сказала Бэб, обожавшая лечить кукол.

– Может, случится, а может, и нет, только не надо было тебе сейчас чихать. Если потребуется, я и сама могу чихнуть за своих детей. Спасибо, не надо, мэм, – резко осадил ее Бетти, чье дружелюбие сильно убывало после пережитых событий.

– Да совсем я и не чихала. Очень нужно. Хватит с меня забот о собственных бедных малютках. Говорить за них, плакать, укачивать. Некогда мне заниматься еще и твоими! – резко ответила Бэб, охваченная нервозностью даже сильнее сестры.

– Кто же тогда чихал? Я только что слышала настоящий чих. – Бетти глянула на зеленую крышу, полагая, что звук в таком случае раздавался оттуда.

Там, однако, не обнаружилось никого, кроме желтой птицы. Устроившись на высоком кусте сирени, она раскачивалась и чирикала.

– Но птицы ведь не чихают, правда? – Бетти принялась пристально оглядывать золотистое пернатое существо.

– Вот глупая. Конечно же нет, – откликнулась Бэб.

– Тогда мне хотелось бы знать, кто здесь, совсем рядом, смеется и чихает? Может, тот самый пес? – не переставала недоумевать Бетти.

– В жизни не слышала, чтобы собаки смеялись, разве что в «Сказках матушки Гусыни», – отозвалась Бэб. – Но этот пес вообще странный. Может, он и умеет. Все-таки интересно, куда он девался? – И в надежде снова увидеть забавного пуделя она внимательно оглядела обе боковые дорожки.

– А вот я знаю, куда сейчас пойду, – сказала Бетти и принялась энергично, но не слишком аккуратно собирать своих кукол в фартук. – Мне надо домой, рассказать все ма. Не хочу больше здесь оставаться. Мне страшно.

– А мне ничуть не страшно. Только вот вроде как дождь собирается, и мне из-за этого тоже лучше вернуться домой.

Она убрала стол самым простым и ускоренным способом, подняв скатерть за все четыре угла. Получившийся куль с гремящей внутри посудой отправился в ее фартук, сверху она покидала своих детей и объявила, что готова идти.

Бетти замешкалась на мгновение, подхватывая с дорожки разные мелочи, которые мог испортить дождь. Затем она отвязала от дверного молотка красную ленточку и, когда развернулась, собираясь спуститься с крыльца, увидела на ступеньке две прекрасные розовые розы.

– Ой, Бэб! Посмотри! Именно те, которые мы хотели! Правда здорово, что ветер их нам принес? – прокричала она, подобрав цветы и устремляясь вслед за сестрой, которая угрюмо шествовала впереди, напряженно высматривая бдительным взглядом свою заклятую врагиню Салли Фолсом.

Цветы заметно подняли обеим девочкам настроение. Этот сорт роз настолько им нравился, что они едва сдерживались от желания взобраться вверх по шпалерам и добыть их себе. И наверное, все же добыли бы, не запрети им ма совершать подобные подвиги, после того как Бэб, пытаясь добраться до жимолости, полезла по дикому винограду, который обвил все крыльцо, и сверзилась вниз.

Дома, обрушив на миссис Мосс рассказ о своих приключениях, дочери сильно ее позабавили, но ни в малейшей степени не встревожили. Все, что произошло в саду, она сочла проделками каких-нибудь их приятелей по играм. Даже пугающая история о таинственных чихе и смехе, исторгнутых совсем рядом с девочками кем-то загадочным и совершенно невидимым, вызвала у нее лишь улыбку.

– В понедельник схожу туда и выясню, что там творится, – вот и все, что она сказала по этому поводу.

Но в понедельник у миссис Мосс не вышло осуществить свой план, потому что зарядивший накануне дождь все еще продолжался, и девочки в школу скорее не шли, а плыли, как пара утят, по огромным лужам, удовольствие от которых им позволяли в полной мере вкусить непромокаемые сапоги из индийской резины. На большой перемене Бэб и Бетти, поделившись с одноклассницами тем, что дала им ма с собой на обед, сильно их развлекли рассказом о таинственном псе, поселившемся где-то поблизости. Некоторые из их знакомых, как выяснилось, тоже застигли его за изучением своих задних дворов, однако ни перед кем, кроме Бэб и Бетти, он своих трюков не демонстрировал. Сестры, тут же заважничав, начали с гордостью называть странного пуделя «наш пес», но загадочное перемещение пирога так и осталось необъяснимым. Салли Фолсом убежденно клялась, что они с Мэми Сноу как раз в то время играли в салочки. Других тоже поблизости от дома с сиренью не было. Только Бэб и Бетти. И никто не мог пролить свет на это событие.

Озадачены тем не менее оказались все. Даже Учительница начала рассказывать такие захватывающие истории про жонглеров, которых однажды видела, что пончики остались лежать забытыми в ведерках для обеда, а руки с кусками пирогов замерли в воздухе по пути ко рту. На ближайшей же перемене, уже во второй половине дня, Бэб чуть не вывихнула себе

все суставы, пытаюсь изобразить выкрутасы пуделя, потому что, хотя прежде она с успехом проделывала их у себя на постели, пол школьного сарая оказался гораздо меньше для этого приспособлен, о чем ей сразу же сообщили колени и локти.

– У пуделя выходило очень легко, но я прямо не знаю, как это сделать, – сказала она, брякнувшись об пол после весьма безуспешной попытки пройти на руках.

– Божечки! Вот же он! Прямо здесь! – воскликнула Бетти, сидевшая на небольшой кучке дров возле двери.

Остальные немедленно устремились туда же, и все шестнадцать девочек с таким видом выглянули на дождливую улицу, будто ожидали увидеть там Золушку в волшебной карете, а не уныло бредущего по раскисшей грязи пса.

– Ой, позовите его сюда, пусть потанцует! – по-воробыному звонко прошептала стая девочек.

– Сейчас позову. Мы с ним уже почти друзья, – сказала Бэб, совершенно забывшая, как всего два дня назад пыталась прогнать его и осыпала угрозами.

Только, похоже, пес об этом не забыл, потому что он, хотя и замер на месте, задумчиво глядя на них, но подходить остерегся и мок под дождем – грязный, клочковатый, медленно повиливая хвостом с кисточкой да многозначительно указывая розовым носом на почти опустошенные ведерки и корзинки для еды.

– Он голодный, – первой сообразила Салли. – Дайте ему поесть. Тогда он поймет, что мы ему зла не желаем. – И она щедро внесла свой вклад последним куском хлеба с маслом.

Бэб подхватила свое ведерко и, сложив в него все остатки еды, попыталась приманить пса, но тот оставался под проливным дождем. Лишь сел в просительной позе, глядя с мольбой на девочек.

– Бедный, он ведь от голода просто умирает, – с жалостью проговорила Бэб. – Давайте не будем ему мешать. Пусть спокойно поест.

И, поставив на пол ведро, она вместе с остальными девочками попятилась подальше от двери. Увы, ожидаемой благодарностью за их доброту и сочувствие пес им не ответил. Едва поняв, что подход к ведру для него безопасен, он в стремительном рывке достиг его, схватил зубами за ручку и унесся с ним прочь. Девочки закричали, особенно громко Бэб с Бетти, потому что новенькое обеденное ведерко принадлежало им, и они уже собирались погнаться за похитителем, но тут звонок призвал их к следующему уроку. Пришлось возвращаться в класс, где мальчики, увидев, каким они охвачены волнением, тут же принялись выяснять причину.

К концу учебного дня дождь прекратился, выглянуло солнце, и сестры поспешили домой, торопясь поведать о своих бедах ма и найти в ней сочувствие, которое она выражала всегда замечательно. Вот и на сей раз, выслушав их, она осталась верна себе:

– Ничего страшного, дорогие мои. Если он не вернет ведерко, как возвратил раньше пирог, я дам вам другое. Ну и, так как на улице играть еще слишком мокро, можете пойти в каретный сарай. Я ведь вам обещала. Надевайте-ка резиновые сапоги – и вперед.

В свете такой восхитительной перспективы досадная потеря ведерка была моментально забыта, и девочки устремились вприпрыжку по гравийной тропинке к сараю, а миссис Мосс, тщательно подоткнув юбку и захватив с собой связку ключей, последовала за ними. Она приглядывала за домом, участком и всем, что на нем находилось, и домик, где они жили с девочками, назывался домом привратника.

Маленькая дверца в одной из створок ворот сарая запиралась изнутри на засов, а на створках висел замок. Миссис Мосс открыла его. Створка ворот распахнулась. Девочки ринулись внутрь, охваченные столь сильным волнением и любопытством, что, когда оказались возле старинной кареты, у них даже сил не хватило на восхищенные возгласы. Бэб поднялась на облучок, Бетти взбежала по ступенькам к дверце кареты, но обе тут же устремились вниз рез-

вее, чем поднимались, едва услышали из темной ее глубины громкое гавканье, а затем приказ тихим голосом:

– Лежать, Санчо, лежать.

– Кто здесь? – сурово осведомилась миссис Мосс, попятившись вместе с девочками, которые крепко ухватили ее за юбку.

Из разбитого окошка высунулась прекрасно знакомая сестрам белая кудрявая голова и тихо заскулила, словно заверяла: «Не тревожьтесь, леди. Мы ничего вам плохого не сделаем».

– А ну выходите! Или я сама вас вытащу! – отважно выкрикнула миссис Мосс, приметив под каретой среди какого-то ужасающего тряпья ноги в маленьких пыльных ботинках.

– Да, мэм. Сейчас выйду, – ответил ей кроткий голос, и то, что казалось кулем рваных тряпок, вынырнуло из темноты. Белый пудель был тоже уже тут как тут. Он уселся у ног хозяина, и бдительный его вид свидетельствовал о готовности атаковать каждого, кто подойдет к ним слишком близко.

– А теперь отвечай, кто ты и как попал сюда? – потребовала миссис Мосс, и хоть вопрос ее прозвучал достаточно строго, в глазах при виде тщедушной несчастной фигурки затеплилась истинно материнская жалость.

Глава III

Бен

– Звать меня Бен Браун, мэм, и я путешествую.

– И в какую же сторону?

– Да в какую угодно, только б работу найти.

– А что делать умеешь?

– Да разное. Я к лошадям привычный.

– Господи благослови! Такой маленький паренек, как ты? – охнула миссис Мосс.

– Мне двенадцать, мэм. И ездить могу на всем, у чего четыре ноги имеется, – кивнул он с таким выразительным видом, будто готов был воскликнуть: «Дайте мне только корабль, а уж я с ним управлюсь!»

– Родные-то у тебя какие-то есть? – поинтересовалась удивленная миссис Мосс: вид Бена вызывал у нее некоторое беспокойство, до того изможденным выглядело его загорелое лицо с запавшими то ли от голода, то ли от боли глазами. Силы у мальчика в истрепанной донельзя одежде были явно на исходе. На ногах он держался с трудом, опираясь о колесо кареты.

– Я, мэм, у чужих жил, и меня так били, что пришлось от них убежать.

Признание вырвалось у него, похоже, невольно и лишь потому, что он как-то совсем по-детски почувствовал к миссис Мосс доверие.

– Ну тогда и винить тебя не могу, – сказала она. – Почему же ты именно здесь решил задержаться?

– Устал до того, что не мог идти дальше, и понадеялся, что в большом этом доме найду приют. Но я все равно уже не мог двигаться. Вот и лег прямо снаружи.

– Бедняга, как же ты, видать, вымотался. Да и чему ж удивляться, – проговорила сочувственно миссис Мосс, в то время как ее дочерям представилось интересным то обстоятельство, что прервал он свой путь именно возле их ворот.

Мальчик шумно и глубоко вздохнул. Глаза его, несмотря на бедственное состояние, заблестели, а пес наострил уши, едва услышав свое имя:

– Вот, значит, я там отдыхал и вдруг слышу разговор за оградой, а потом увидел этих девочек. Они играли. Их еда выглядела так вкусно. Мне очень ее захотелось съесть, но я ничего не взял. Это Санчо унес для меня пирог.

– И ты заставил его отнести пирог обратно? – воскликнула Бэб.

– Нет, я сам это сделал. Перелез через калитку, пока вы носились за Санчо, а потом на крыльцо поднялся и спрятался, – с улыбкой объяснил Бен.

– И ты там смеялся? – задала новый вопрос Бэб.

– Да.

– И чихал? – полюбопытствовала Бетти.

– Да.

– И кинул нам сверху розы? – хором спросили обе сестры.

– Да. И они вам понравились.

– Еще бы! – подтвердила Бэб. – Но зачем ты прятался?

– Чтобы меня не увидели вот таким, – пробормотал Бен, кинув полный смущения взгляд на свои лохмотья, из-за которых ему явно хотелось бы снова укрыться от посторонних глаз под каретой.

– А в сарай как попал? – сочла своим долгом выяснить миссис Мосс, которая всегда помнила об ответственности за сохранность вверенной ее попечению собственности.

– Услышал их разговор про окно за плющом и, как только они ушли, отыскал в нем лаз. Там ведь стекло разбито. Мне лишь пришлось один гвоздик вытащить. Но я ничего не испортил, хоть и остался на целых две ночи. Думал сперва уйти в воскресенье, но от усталости ноги не шли.

– И ты возвратился назад? – спросила миссис Мосс.

– Да, мэм. Под дождем-то меня совсем тоска одолела. А это место все же немного похоже на дом. И голоса их снаружи мне слышались. – Он посмотрел на девочек. – Так что вроде и не совсем в одиночестве. Потом Санчо еще и еду нашел. В общем, мне было вполне неплохо.

– Ну и дела! – воскликнула миссис Мосс, хватаясь за угол фартука, чтобы вытереть им глаза, а заодно скрыть, насколько сильно ее тронула история мальчика, который, два дня и две ночи ютась в каретном сарае, спал вместо кровати на кучке затхлой соломы и питался лишь крохами, добытыми для него верным псом. – Знаешь, как я с тобой поступлю? – Она старалась держаться невозмутимо, но губы ее невольно тронула сочувственная улыбка, а с пухлой румяной щеки скатилась предательская слеза.

– Не знаю, мэм, – откликнулся мальчик. – Я к любому готов. Только уж с Санчо, пожалуйста, будьте помягче. Он очень помог мне, и мы с ним большие друзья. Правда ведь, старина? – Бен обнял пса с таким видом, что стало ясно, насколько тревожится он за его судьбу.

– Ну, если к любому готов, то для начала я тебя отведу к нам домой – помыть, накормить да спать уложить в постель настоящую. А завтра... Ну, насчет завтра после решим, – договорила она, толком еще не понимая, как поступить с ним в дальнейшем.

– Вы очень добры, мэм, и уж я для вас с удовольствием поработаю. Не найдется ли у вас лошади, за которой мне можно было бы приглядывать? – осведомился с надеждой мальчик.

– Ничего у меня из живности не найдется, кроме курей да кошки.

Бэб и Бетти встретили ее слова хохотом, а Бен лишь тихонько хмыкнул, ибо только на это ему сейчас и хватило сил, хотя, ощущая он себя покрепче, наверняка бы тоже расхохотался. Но дрожащие от слабости ноги едва держали его тщедушное тело, голова вдруг стала кружиться, в глазах появилась резь. Бен заморгал, как соенок, попавший на яркий свет, и только Санчо, на которого он оперся, не позволил ему упасть. Миссис Мосс больше не медлила.

– Идем со мной, дитя, – сказала она. – А вы, девочки, бегите вперед, подогрейте остатки бульона да чайник наполните, пока мы тут с Беном во всем разберемся.

Тут миссис Мосс, внезапно охваченная опасением, не болен ли чем-нибудь ее новый подопечный, подошла к нему и пощупала пульс. Болезнь-то могла оказаться заразной, и в таком случае его не следовало вводить в дом. Рука, покорно протянутая ей, оказалась очень худой, но чистой и прохладной. И взгляд черных глаз, хоть и глубоко запавших из-за того, что мальчик был полумертв от голода, не свидетельствовал о болезни.

– Пообносился я сильно, но я не грязный. Вчера под дождем удалось помыться. И до этого все последнее время жил у воды, – сообщил Бен, удивляясь, отчего миссис Мосс так пристально на него смотрит.

– Ну-ка высунь язык, – скомандовала она.

Язык тут же высунулся, но почти сразу исчез, и Бен быстро проговорил:

– Я не больной, а просто голодный. Три дня-то последние еда у меня была только та, которую добывал Санчо. А я с ним всегда делюсь. Правда ведь, старина?

Пес в подтверждение оглушительно гавкнул, а потом заметался между хозяином и выходом из сарая. Похоже, вполне поняв ситуацию, он настоятельно рекомендовал миссис Мосс поспешить с предоставлением обещанных еды и приюта. Та намек поняла и тут же велела Бену взять свои вещи и следовать за ней.

– Да вещей-то и нет, – развел руками он. – Узелок у меня какие-то большие ребята отняли, иначе бы я до того паршиво не выглядел. А так могу взять только это. – Он извлек

из-под кареты обеденное ведро девочек. – Мне жаль, что Санчо унес его. Если бы знал, чье оно, давно бы уже возвратил.

– Дело прошлое, – отмахнулась миссис Мосс. – Ведро мое, а то, что в нем утащил твой пес, было твоим. Ну же. Пошли. Мне запереть здесь надо. – И она погремела связкой ключей.

Бен, опираясь на рукоять, отломанную от тяпки, заковылял наружу. Руки и ноги у него затекли за два дня, проведенных в сыром обиталище, да к тому же он был измотан долгим бродяжничеством под солнцем и дождем. Санчо, в отличие от хозяина, ощущал себя вполне бодрым. Кажется, чувствуя, что злключениям их пришел конец, он то прыгал с веселым лаем на Бена, то принимался шутя атаковать щиколотки их благодетельницы, а та кричала ему «брысь!» и «прочь!», тряся юбкой, словно он был не псом, а кошкой или курицей.

На плите, гудящей от жаркого пламени, подогревались сотейник с бульоном и чайник. Бетти подкидывала дрова, не давая огню ослабнуть. На пухлой ее щеке чернело солидное пятно сажи. Бэб в это время с такой скоростью и энергией нарезала хлеб, что пальцы ее не попадали под нож лишь чудом. Бен, еще прежде, чем ему удалось это осознать, оказался в старом кресле-качалке, держа кусок хлеба с маслом в руке, который он подверг столь жадному и быстрому уничтожению, на какое способен только вконец оголодавший мальчик. Санчо не отставал от хозяина. Лежа у его ног, он далеко не по-пуделиному, а скорее с хищностью волка в овечьей шкуре грыз баранью кость.

Оставив обоих гостей продолжать их увлекательное занятие, миссис Мосс поманила дочерей следом за собой из кухни, и обеим были даны поручения.

– Ты, Бэб, сбегай к миссис Бартон и спроси, нет ли у нее какой-нибудь старой одежды, которую Билли уже не носит. А ты, Бетти, отправляйся к Каттерам. Скажешь мисс Кларинде, что мне нужна пара рубашек из тех, которые мы шили на последнем швейном собрании. Пригодились бы также любые ботинки, шляпа и носки. На бедняге-то ничего целого не осталось.

Девочки убежали, горя желанием приодеть бедствующего гостя, и так от души постарались, хлопоча перед добрыми соседями, что полчаса спустя он едва смог себя узнать, когда вышел из задней спальни, одетый в выцветший фланелевый костюм Билли Бартонна, рубашку из неотбеленного хлопка, сшитую Доркас, и обутый в старые ботинки Милли Каттерс.

Вымывшись в теплой ванне, Бен следом помыл хорошенько Санчо. Тот стал белым как снег, тщательно расчесанная кудрявая шерсть заблестела, хвост с кисточкой гордо зареял, виляя, над спиной, и теперь он ничем не уступал в презентабельности фарфоровому пуделю на камине. Когда мальчик скромно предстал перед миссис Мосс и девочками, сразу же стало заметно, какое удовольствие он получает от своего нового облика и сколь приятна ему обретенная респектабельность.

Девочки встретили появление преображенных странников восторженным смехом, а гостеприимная миссис Мосс заботливо устроила их возле печки, так как волосы Бена и шерсть Санчо еще до конца не просохли.

– Тебя же просто не узнать! – воскликнула добрая женщина, с удовольствием оглядывая мальчика.

При всей изможденности и худобе он приобрел аккуратный вид и явно приободрился. Черные глаза его весело поблескивали. Казалось, от них не ускользает ни одна мелочь. Голос звучал чисто и искренне. И загорелое лицо утратило наконец напряженно-угрюмое выражение, которое явно было ему несвойственно.

– Ох и славно же, – с чувством произнес мальчик. – Мы с Санчо вам сильно обязаны, мэм, – добавил он, и лицо его зарделось под взглядами трех пар доброжелательных глаз.

Сестры с огромной скоростью накрывали к чаю, так им хотелось быстрее сесть за стол и начать общение с гостем. В тот момент, когда Бен заговорил, Бэб уронила чашку и уже готова была услышать, как она разбивается об пол, но не услышала. Мальчик изловчился подхватить

ее в воздухе. Миг – и он с легким поклоном вручил целую и невредимую чашку ошеломленной девочке.

– Святые угодники! Как ты это сделал? – вытаращилась она на него с таким видом, будто была уверена, что дело не обошлось без помощи колдовства.

– Да ерунда. Вот смотри.

Он схватил со стола две тарелки, подкинул их, закрутив, вверх, поймал и принялся снова подкидывать и ловить. Бэб и Бетти изумленно за ним следили, так широко раскрыв рты, будто готовились проглотить летающую посуду, если Бен промахнется. Миссис Мосс, стиснув в руках кухонное полотенце, наблюдала за ее полетом с вполне понятной тревогой рачительной домохозяйки.

– Ну, милые, это ни в какие ворота! – вот единственный комментарий, который от нее последовал.

Взгляд Бена тем временем метнулся к корзиночке с бельевыми прищепками. Он выхватил четыре штуки, прицепил вертикально себе на брови, нос и подбородок, задрал к потолку лицо, превратив его в подобие перевернутого вверх ножками табурета, и, словно благодаря хозяев за гостеприимство единственным способом, который сейчас ему был доступен, принялся закручивать и подкидывать блюда, а затем ловить их точнехонько на прищепки, пока на лице не образовалась целая стопка, и тогда он начал спокойно расхаживать с ней взад-вперед по кухне.

Девочки пришли в полный восторг, да и миссис Мосс до того восхитило искусное обращение Бена с посудой, что, пожелай он сейчас воспользоваться даже ее лучшей супницей, она без малейшего колебания ее бы ему предоставила. Силы, однако, у Бена иссякли. Лицо сделалось усталым и грустным. Будто он не гордился вовсе тем, что только что продемонстрировал, а, наоборот, сожалел об этом.

– Полагаю, ты выступал как жонглер, – предположила миссис Мосс, пристально глядя на мальчика, у которого сейчас был такой же вид, как когда он ответил, что его зовут Бен Браун. Иными словами, не прибегая ко лжи, он стремился одновременно не раскрывать всей правды.

– Да, мэм. Я помогал раньше синьору Педро – величайшему волшебнику мира. Ну и обучился кое-каким его трюкам, – с напускным простодушием пробормотал мальчик.

– Слушай-ка, милый, – строго сказала миссис Мосс. – Тебе стоило бы рассказать мне про себя честно, как есть. Иначе я буду вынуждена отправить тебя к судье Моррису. Мужчина он суровый. Так что, коли ты не совершил ничего дурного, не бойся и поведай, какие там у тебя обстоятельства. Тогда я помогу тебе чем могу. – И она опустила в кресло-качалку, как королева, открывающая аудиенцию.

– Я не боюсь, – откликнулся мальчик. – И плохого впрямь ничего не сделал. Но возвращаться к прошлому не хочу. А вам, возможно, и захочется сообщить обо мне, если я вам все расскажу. – Бен разрывался между доверием к новому другу и страхом перед старыми врагами.

– Коли там скверно с тобой обращались, то, будь спокоен, ничего они от меня про тебя не узнают. Расскажи все как есть, и я тебя поддержу, – заверила миссис Мосс. – Девочки, сбегайте за молоком, – повернулась она к дочерям.

– Ой, ма! Позволь нам остаться! Мы тоже никому-никому ничего не расскажем! Честно! Честно! – взмолились Бэб и Бетти, не желая быть выставленными, когда тайна Бена вот-вот выйдет наружу.

– Я ничего против их присутствия не имею, – проявил великодушие Бен.

– Ладно, – сдалась миссис Мосс. – Но хорошенько держите язык за зубами. Итак, – перевела она взгляд с дочерей на Бена. – Откуда же ты появился?

Девочки торопливо уселись на скамейку, стоявшую напротив маминого кресла-качалки. С этого места, изнывая от любопытства, они выжидающе наблюдали за Беном.

Глава IV

Его история

– Я сбежал из цирка, – начал Бен, однако продолжить ему удалось далеко не сразу, потому что Бэб с Бетти, подпрыгнув, радостным хором выкрикнули:

– Мы знаем! Мы были! Цирк – это так чудесно!

– Знай вы о нем с мое, он бы вам понравился меньше. – Бен нахмурился и заерзал, словно все еще ощущая боль от полученных в цирке побоев. – И чудесным вы бы его точно не назвали. Правда, Санчо? – добавил он, сопроводив вопрос, обращенный к псу, каким-то странным звуком. Пудель, дотоле мирно лежавший у ног хозяина, налаживая знакомство с новыми ботинками, в которые тот был обут, зарычал и принялся бить хвостом по полу.

– А как ты там оказался? – любопытствовала растревоженная его словами миссис Мосс.

– Отец мой – Дикий Охотник с Равнин. Неужто о нем не слыхали и не видали его никогда? – недоуменно спросил мальчик, заметив, что громкое имя его родителя ровным счетом ничего не говорит доброй женщине.

– Благослови твое сердце, дитя, но мне уж лет десять не приходилось бывать в цирке. Теперь и не упомянуть, что и кого я там видела, – покачала головой миссис Мосс, заинтригованная историей Бена и одновременно тронутая проникновенным тоном, которым он говорил об отце.

Бен повернулся к девочкам:

– А вы его не видели?

– Мы видели индейцев. И акробатов. И Прыгающих Братьев из Борнео. И клоуна. И обезьянок. И крохотного пони с голубыми глазами. Твой папа не был одним из них? – с надеждой спросили они.

– Он не из этой компании, – махнул рукой Бен. – Он наездник. Его номером открывалось каждое представление. Скачка на двух, четырех и даже восьми лошадях. И я выступал с ним вместе, пока не вырос. На отце моем все держалось. И никакими делами больше он не занимался, кроме как выступал да лошадей объезжал. – Бен произнес это с такой гордостью, будто речь шла о президенте большой страны.

– Ты хочешь сказать, он умер? – осторожно осведомилась миссис Мосс.

– Не знаю. О нем нет никаких вестей, – сдавленным голосом отозвался Бен и судорожно вздохнул, как случается, когда к горлу внезапно подкатывает комок.

– Расскажи, дорогой, нам побольше, и мы, возможно, сумеем выяснить, где он. – Миссис Мосс подалась вперед и ласково провела ладонью по темным блестящим волосам мальчика, в то время как он вдруг резко склонил лицо к пуделю.

– Да, мэм, спасибо. Конечно же, я расскажу. – И с трудом подчинив себе дрогнувший голос, он постарался спокойно и ровно продолжить: – Отец был всегда очень добр ко мне. Мы зажили вместе после того, как умерла бабушка, и мне очень нравилось с ним жить. Он сразу начал меня обучать верховой езде, и посмотрели бы вы на меня тогда. Маленький, в белых лосинах, розовой курточке и с золотым ремнем, я стоял на плече у отца или висел на хвосте старого Генерала, который несся полным галопом. А в номере, где отец управлял тремя лошадьми, я стоял на его голове и размахивал флагом. Публика бешено нам аплодировала.

– И тебе не было страшно? – Бетти бросило в дрожь от одной только мысли, что можно отважиться на такое.

– Нисколько. Потом я стал во время парадов-алле² управлять колесницей, запряженной четырьмя пони, – продолжал Бен. – И сидел на огромном шаре, который был установлен наверху кареты, а тащили ее Ганнибал с Нероном. Вот это не шибко мне по душе приходилось. Во-первых, ужасно высоко, во-вторых, трясло, да солнце еще к тому же голову припекало, ветви деревьев хлестали меня по лицу, а ноги болели от напряжения, до того трудно было удержаться на этом шаре.

– А кто такие Ганни Бал с Ныроном? – спросила Бетти.

– Большие слоны, – пояснил мальчик. – Отец никогда не позволял сажать меня на этот шар. Но когда он исчез, мне пришлось. Иначе меня бы побили.

– И неужели никто за тебя не заступался? – охнула миссис Мосс.

– Случалось, мэм. Большею частью леди. Они все ко мне очень по-доброму относились, особенно Мелия. Она поклялась, что не станет участвовать в номере Таннимант, если меня снова побьют за отказ от помощи старому Баку с медведями. Ну им и пришлось уняться. Она в этом номере была ведущей. Где бы они еще нашли такую наездницу.

– Ой, расскажи про медведей, – попросила Бэб, которой в цирке больше всего нравились звери.

– У Бака их было пять. Старых и сердитых. Он с ними выступал. Мне один раз пришлось в голову просто поиграть с ними, а он решил, что, если я с ними выступлю вместо него, номер станет гораздо успешнее. Но они слишком крепко обнимались со мной и когтями цапали. Не очень-то было приятно. Да и не поймешь никогда, добродушны они или голову приготовились откусить. Бак-то весь в шрамах ходил от их когтей да зубов. Мне такого не хотелось. Миссис Сент-Джонс за меня вступилась. Она хороший человек.

– А кто такая миссис Сент-Джонс? – Миссис Мосс успела уже запутаться в обилии новых имен.

– Да та же самая Мелия, она же миссис Смизерс, жена инспектора манежа, который одновременно Монтгомери, хотя он не больше Монтгомери, чем она Сент-Джонс. В цирке все имена себе меняют на такие, которые покрасивее выглядят на афишах. Папа мой назывался Хозе Монтебелло, а я стал Адолфусом Блумсберри, после того как вырос из Летящего Херувима и Чудо-Ребенка.

Миссис Мосс, откинувшись на спинку кресла-качалки, расхохоталась, до того ее рассмешили все эти курьезы. Девочек удивило ее веселье. Вымышленные имена цирковых артистов показались им верхом шика и элегантности. Миссис Мосс, впрочем, снова быстро настроилась на серьезный лад и приготовилась слушать историю дальнейших злоключений гостя.

– Продолжай, Бен. Что же стало потом с твоим папой? – спросила она, ибо судьба появившегося у них мальчишки волновала ее все больше и больше.

– Ну, понимаете, мой отец поссорился со старым Смизерсом и перед тем, как осенью завершился шатровый сезон, вдруг взял и уехал. Вроде как собрался в Нью-Йорк, где есть знаменитая школа наездников. Сказал, что устроится, а потом пошлет за мной. Ну, я и остался помогать Педро. Он фокусник, и мы с ним ладили. Мелия за мной приглядывала. Какое-то время я был вполне доволен. Но отец все не присылал и не присылал никого за мной, и для меня наступили скверные времена. Если бы не Мелия и Санчо, сбежал бы гораздо раньше.

– И что же тебе приходилось делать?

– Да много чего. Жизнь в цирке пошла сложная, а мне смекалки было не занимать. Смизерс именно так и сказал однажды и заставил меня всю заниматься акробатикой. Я не против был выступать с фокусами или с Санчо. Отец так его замечательно выдрессировал, что вел он себя на арене со мной превосходно. Но в цирке меня захотели приучить к джину, чтобы я перестал расти. Моему отцу такое точно уж не понравилось бы. Я это понимал и отказывался.

---

² Парад-алле – выход на арену в цирке всех участников представления перед его началом.

Наездником мне выступать вполне подходило, пока я не свалился однажды и не ушиб сильно спину. После этого ездить мне стало больно и голова кружилась, но меня все равно заставляли. Слабость была ужасная. Я постоянно падал.

– Ну и зверь же этот человек, – возмутилась миссис Мосс. – Что же Мелия не положила конец его издевательствам?

– Она умерла, мэм. И друзей у меня никого не осталось, кроме Санчо. Вот я и убежал.

Воспоминание о Мелии вызвало у него слезы, скрывая которые Бен снова склонился над Санчо и начал его гладить.

– А что ты собирался делать дальше? – спросила миссис Мосс.

– Найти отца. Но не получилось. В школе наездников его уже не было. Мне там сказали, что он уехал на запад покупать мустангов для какого-то человека, которому их потребовалось большое количество. Такая вот безнадежность, мэм. Отец невесть где. А к Смизерсам возвращаться – снова сплошные побои. Попросил было, чтобы в школу наездников меня взяли, но мальчики им не требовались. И остался для меня один выход: идти дальше с надеждой где-то найти работу. И умер бы я, вероятно, в итоге от голода, если б не Санчо. Мне пришлось его в цирке оставить привязанным, когда я убежал. Боялся, что иначе меня в воровстве обвинят. Пес-то ведь очень ценный, мэм. Лучшая трюковая собака из всех, что я видел. Им его вернуть захотелось бы гораздо сильнее, чем меня. Жаль мне, конечно, было с ним расставаться, да и принадлежал он отцу. Но пришлось. И когда темной ночью я смылся из цирка, думал, что никогда больше его не увижу. К утру я уже был за много миль от цирка. Пристроился в чьем-то сарае позавтракать, и, как раз когда до тоски одиноко мне сделалось, Санчо ко мне туда и ворвался. Грязный весь, мокрый, веревка длинная за ним тянется. Он перегрыз ее, значит, и следом за мной побежал. И покидать меня больше не собирался. Ну и я уж теперь его никогда не оставлю. Правда, старина?

Эту часть хозяйской истории Санчо выслушал с заметным интересом, а когда Бен обратился к нему, пес, положив ему лапы на плечи, облизал его лицо и с преданностью, сияющей в желтых глазах, тихонько завыл. И было ясно, словно у него вдруг прорезался дар речи, что хочет сказать он Бену:

«Выше нос, маленький мой хозяин. Отцы порой исчезают, и друзья иногда, увы, умирают, но я никогда тебя не покину».

Бен крепко обнял его и улыбнулся девочкам поверх курчавой головы пуделя. Сестры сперва отозвались на эту трогательную сцену громкими аплодисментами, а затем принялись гладить и ласкать доброе белое существо, совершенно простив ему кражу пирога и нового обеденного ведерка.

Вдохновленный таким их расположением и специальными дрессировочными знаками Бена, пес вырвался на свободное пространство кухни и начал с присущими ему ловкостью и изяществом демонстрировать один за другим все свои коронные трюки. Девочки, пританцовывая, упоенно следили за ним, а миссис Мосс сказала, что ей даже неловко рядом с четвероногим, который чуть ли не умнее ее самой. Бен просиял. Видно было, что похвалы в адрес Санчо радуют его куда больше, чем если бы их раздавали ему. Стоило пуделю снова улечься подле него, а остальным несколько успокоиться, как он принялся живо рассказывать о приключениях, в которые попадал вместе с Санчо, и об уме, верности и находчивости своего любимца.

Миссис Мосс, слушая мальчика, про себя размышляла о его дальнейшей судьбе и, когда он наконец умолк, с очень серьезным видом осведомилась:

– Если у меня выйдет найти тебе работу, ты захотел бы здесь на подольше остаться?

– О да, мэм. Еще бы, – с энтузиазмом откликнулся Бен, который мог лишь мечтать о таком уютном, гостеприимном доме с доброй хозяйкой, столь же по-матерински заботливой, как была ушедшая в мир иной миссис Смизерс.

– Тогда схожу завтра к сквайру. Посмотрим, что он скажет. Полагаю, не будет против взять тебя мальчиком на подхвате, если окажешься столь смышленным, как говоришь. Он каждое лето кого-нибудь нанимает, и я пока у него никого не заметила. Ты умеешь пасти коров?

– Надеюсь, что да, – пожал плечами Бен, всем своим видом показывая, что человеку, который мог управлять колесницей с четырьмя норовистыми пони, освоить выпас коров не проблема.

– Может, это не так увлекательно, как езда верхом на слонах или игры с медведями, зато дело вполне пристойное. Полагаю, охаживая, если потребуется, кнутом Бриндл и Батеркап, ты почувствуешь себя куда счастливее, чем когда охаживали тебя самого, – улыбнулась миссис Мосс.

– Думаю, вы правы, мэм. – Бен поежился при одном лишь воспоминании о недавней жизни, от которой сбежал.

Вскоро после этого Бена отправили хорошенько выспаться в заднюю спальню. Верный Санчо, конечно, пошел его сторожить. Заснули оба, однако, не сразу, такой сильный шум подняли у себя в комнате сестры. Это Бэб настояла на необходимости поиграть перед сном в медведя, который напал на Бетти и, невзирая на ее вопли, готов с ней расправиться. Девочки до того разошлись, что ма, поднявшись к ним, едва смогла их унять, да и то лишь после угрозы, что, если они не уговорятся и не станут тише мышей, Бен и Санчо завтра же утром отправятся жить в какое-нибудь другое место.

Она очень серьезным тоном это пообещала, и девочки, перепуганные, сперва мигом затихли, а затем и уснули и увидели во сне позолоченные экипажи, старые, подернутые плесенью кареты, убегающих мальчиков, обеденные ведерки, танцующих пуделей и крутящиеся в воздухе чайные сервизы.

Глава V

Бен получает место

Проснувшись наутро и не увидев над головой ни брезента цирковой палатки, ни открытого неба, ни крыши сарая, Бен на мгновение озадачился, не понимая, где находится. На сияющем белизной потолке, дружелюбно жужжа, общались несколько мух. Снаружи слышались, вместо криков ласточек и щебета мелких ранних пташек, уютное кудахтанье кур и два юных голоса, которые наперебой затверживали вслух таблицу умножения.

У распахнутого окна сидел Санчо, занятый наблюдением за пожилой кошкой. Она старательно умывалась. Пес пытался ей подражать, водя по морде огромной мохнатой лапой. Вышло у него это до того неуклюже, что Бен рассмеялся. Застигнутый врасплох, Санчо засмутился и, стремясь это скрыть, перепрыгнул со стула к хозяину на постель и принялся так энергично облизывать ему лицо, что тот, спасаясь от его мокрого языка, влез с головой под одеяло. Призывный стук в пол, раздавшийся снизу, заставил обоих друзей встрепетаться, и десять минут спустя мальчик с сияющим лицом и необычайно бодрый пес стремительно бежали по лестнице. Первый – чтобы воскликнуть радостно: «Доброе утро, мэм!», а второй – чтобы выразить то же самое, интенсивно виляя хвостом. Ведь на плите, скворча, поджаривалась ветчина, к которой Санчо питал исключительно нежные чувства.

Миссис Мосс стояла с вилок в руке возле шипящей сковороды.

– Славно выпался? – поинтересовалась она у Бена.

– Еще бы, мэм. На такой-то прекрасной постели. Прежде ведь я спал на сене под конской попой. А в последнее время мне и вовсе служили периной трава, одеялом небо, – смеясь, откликнулся мальчик. Благодаря уюту, которым был окружен, он уже мог весело и легко говорить о былых своих трудностях.

– Спелая сладкая кукуруза полезна для юных костей, даже если на них еще меньше мяса, чем на тебе, – бросила миссис Мосс, проходя мимо Бена и по-матерински ласково потрепав его по мягким волосам.

– Толстеть людям нашей профессии непозволительно, мэм. Тут чем худее, тем лучше. И для канатоходцев, и для акробатов, и для наездников, и для жонглеров. Самое главное – мускулы. Вот такие.

Бен, крепко сжав кулак, с немалой многозначительностью продемонстрировал сухую тонкую руку, словно намекая на геркулесову силу, благодаря которой готов побороть что угодно, даже раскаленную печь.

– Ну что же, у тебя появился повод испытать свои мускулы, – заявила миссис Мосс, радуясь бодрости и хорошему настроению своего подопечного. – Принеси-ка воды, – указала она на колодец во дворе.

Бен, желая быть полезным, схватил ведро. Поставив его среди мшистых камней и ожидая, пока воды натечет достаточно, он начал оглядываться по сторонам. Увиденное грело душу: небольшой коричневый дом, из трубы которого вился уютный дымок, две сестрички, на которых ложился бликами солнечный свет, зеленые холмы, свежесеянные поля, простиравшиеся почти до самого горизонта, ручей, что, танцуя, несясь сквозь яблоневый сад, птицы, поющие на Аллее вязов... Весь мир вокруг Бена был свеж и прекрасен настолько, насколько только возможно погожим утром раннего лета.

– А ты не думаешь, что здесь довольно мило? – спросила Бэб, стоило его оживленному взгляду, который чем больше вбирал впечатлений, тем становился живее, сосредоточиться на девочках.

– Самое милое место на свете, – убежденно произнес Бен. – Если бы еще лошадь была поблизости... – добавил он, заметив, что полное ведро наконец поднялось на колодезном рычаге с противовесом, сооруженным из старого мельничного жернова.

– У судьи их целых три, но он так над ними трясется, что даже не позволил нам вырвать совсем немножко волосков из хвоста старого Майора, – обиженно сообщила Бетти, захлопывая учебник арифметики.

– Майк позволяет мне ездить на большой лошади к водопою, если никого нет поблизости. Верхом вниз по аллее – это так здорово! Обожаю лошадей! – Говоря, Бэб подпрыгивала на скамейке, имитируя ход белой кобылы Дженни.

– Похоже, ты не из робких. – Бен одобрительно поглядел на старшую девочку и направился с полным ведром к дому, по дороге плеснув немного воды на миссис Кису, выгибавшую спину, топорщившую усы и громко шипевшую на Санчо.

– Завтракать, – позвала миссис Мосс, и следующие двадцать минут никто ничего не говорил, зато кукурузная каша, молоко и жареная ветчина уничтожались общими усилиями со скоростью, которая впечатлила бы даже Джека – покорителя великанов.

– Ну, девочки, приступайте к своим домашним обязанностям, – распорядилась хозяйка дома, когда тарелки у всех опустели, а Санчо, облизываясь, наслаждался вкусами, перепавшими лично ему. – Ты, Бен, пока наколи мне щепы для растопки. Вот приберусь, и займемся твоим устройством.

Бен так энергично принялся за работу, что щепки летели во все стороны. Бэб с рискованной торопливостью и грохотом складывала посуду со стола в тазик. Бетти подметала пол, поднимая в воздух столбы пыли. А миссис Мосс, кажется, умудрялась одновременно находиться везде.

Санчо, похоже осознавая, что на кону их с Беном дальнейшая участь, проникся чувством личной ответственности и в весьма сумбурной манере старался проявить себя незаменимым помощником. С риском, что хвост его попадет под лезвие топора, он прыжками носился вокруг Бена. Затем убегал инспектировать своим любопытным носом шкафы в каждой комнате. Преследовал стремительно перемещавшуюся миссис Мосс. Стаскивал коврик у двери, чтобы Бетти могла как следует там подмести. Критически наблюдал, встав на задние лапы, за кухонным столом, где Бэб мыла посуду, а когда его наконец выставили на улицу, то, ничуть не обидевшись, с веселым лаем загнал миссис Кису на дерево, попреследовал кур, доведя их до такой степени возмущения, что они перелетели через забор, и в заключение тщательно зарыл старый ботинок туда, где у него уже хранился остаток бараньей косточки.

К тому времени как остальные справились со своими обязанностями, пес, выплеснув избыток энергии, зарылся следом за покинувшей дом компанией с чинным видом собаки, приученной сопровождать на прогулках леди. На перекрестке компания разделилась. Девочки поспешили в школу, а миссис Мосс и Бен – к большому дому на холме, который принадлежал сквайру.

– Не бойся, дитя мое, – на ходу наставляла она Бена. – Я сумею как следует объяснить сквайру, что с тобой случилось и почему ты убежал. А если работу получишь, просто скажи ему спасибо да постарайся проявить себя надежным и трудолюбивым. Дела у тебя несомненно на лад пойдут, – шепотом договорила миссис Мосс, уже звоня в колокольчик у боковой двери, на которой алела яркая надпись «Моррис».

– Войдите! – хрипло ответили на звонок изнутри.

Бен, чувствуя себя так, будто ему вот-вот вырвут зуб, робко двинулся следом за доброй женщиной, которая заведомо придала своему лицу самое располагающее выражение, на какое была способна.

Убеленный сединами старый джентльмен, читавший газеты, пронзил посетителей суровым взглядом поверх очков и раздраженным тоном, который поверг бы в оторопь каждого, кто не знал, сколь доброе сердце бьется под этим объемным жилетом, осведомился:

– Ну, что на этот раз? Какое, доброе вам утро, мэм, происшествие? Юный бродяга украл ваших цыплят?

– О нет! Ничего подобного, сэр, – поторопилась его разуверить миссис Мосс, потрясенная подобным предположением, а затем кратко изложила историю Бена.

Инстинкт подсказал ей слова, интонацию и мимику, побуждавшие сострадать даже тем из поступков ее подопечного, которые при ином изложении могли показаться предосудительными. Во взгляде старого джентльмена по ходу ее рассказа начало проявляться все больше заинтересованности, и даже сам Бен проникся к себе столь жгучим сочувствием, словно речь шла о ком-то другом.

Сквайр, внимательно выслушав миссис Мосс, с одобрением ей кивнул, а затем осведомился у Бена:

– Ну, юноша, и какую же работу ты умеешь делать? – И в ожидании ответа бросил на него из-под кустистых бровей до того пронизывающий взгляд, что мальчик вдруг почувствовал себя совершенно прозрачным.

– Почти любую, сэр, если смогу ею на жизнь заработать.

– Полоть умеешь?

– Не пробовал, сэр, но могу научиться.

– Ну да, – скептически фыркнул джентльмен. – Всю свеклу выдерешь, оставишь марь. Клубнику собирать пробовал?

– Нет, только пробовал ее есть, сэр.

– Ну, этот-то вид труда ты вряд ли забудешь, – усмехнулся уголком рта сквайр. – А сможешь ли управляться на пахоте с лошадей?

– Полагаю, у меня выйдет, сэр. – Глаза у Бена сверкнули. Он обожал лошадей. Все, которые были ему знакомы прежде, становились его лучшими друзьями.

– Только никаких шалостей. Конь мой – отличный малый. И я крайне насчет него щепетил.

Сквайр произнес это очень серьезно, однако глаза его посверкивали при этом так весело, что миссис Мосс едва сдерживала улыбку. Конь старого джентльмена был в городе предметом неиссякаемых шуток. Возраста приблизительно двадцатилетнего, он отличался походкой поистине впечатляющей. Высоко поднимал передние ноги, будто намеревался развить огромную скорость, но вялым движением задних гасил темп до неспешной рыси, которой обыкновенно и передвигался. «Перед в галоп несется, а зад едва плетется», – смеялись над ним мальчишки, но держались на почтительном расстоянии, ибо крупное это животное с римским профилем никаких вольностей по отношению к себе не позволяло.

– Я слишком люблю лошадей, чтобы им навредить, сэр, – сказал Бен. – А для езды верхом мне любое четвероногое подойдет. Уж на что был Король Марокко кусач да лягач, я и с ним справлялся.

– Тогда, вероятно, ты сможешь гонять коров на пастбище? – задал новый вопрос сквайр.

– Я управлял слонами, верблюдами, страусами, медведями гризли, мулами и сразу шестью желтыми пони. Наверное, и с коровами у меня получится, если постараюсь, – со скромной почтительностью проговорил Бен, хотя сама мысль, что он может не справиться с какими-то там коровами, казалась ему смешной.

Сквайру мальчишка все больше нравился своим веселым нравом, решимостью и отвагой, которые попеременно отражались у него на лице, и по мере того, как длился их разговор, взгляд старого джентльмена теплел, а уголки губ то и дело вздергивались в улыбке.

– Ну, мы здесь не слишком часто возвращаем слонов и верблюдов, – начал он, впечатленный перечнем животных, которые оказались подвластны этому тощему пареньку. – Медведей, правда, водилось прежде много, но народу они надоели. Вот мулов и впрямь в избытке, только они здесь по большей части двуногого типа. А из домашней птицы предпочитаем шанхайских кур, а не страусов.

Тут он был прерван до того заразительным хохотом Бена, что миссис Мосс, не выдержав, последовала его примеру. И так как веселый, искренний смех порой решает дело быстрее и лучше слов, сквайр, не успели они еще успокоиться, постучал по окну у себя за спиной и, пытаясь вернуть себе былую суровость, проговорил:

– Сперва испытаем тебя на коровах. Мой человек покажет, куда ты должен их гнать. Попутно будут тебе от него в течение дня и другие разные поручения. Я пригляжусь, на что и насколько ты годен, и вечером дам ответ миссис Мосс. Мальчик может заночевать у вас дома?

– Разумеется, сэр. Да и дальше пускай живет у меня и по утрам на работу к вам отправляется. Будет, по крайности, под моим приглядом, и другим от него никаких хлопот.

– Касательно твоего отца, парень, попробую выяснить, – пообещал сквайр. – А пока води себя хорошо и голову не теряй. Чтобы отец смог гордиться тобой, когда вы с ним встретитесь. – И старый джентльмен сурово погрозил Бену пальцем.

– Спасибо большое, сэр. Конечно, сэр. Отец мой непременно вернется, если не болен и не пропал, – едва слышно произнес Бен, мысленно благодаря судьбу за то, что ему удалось избежать поступков, из-за которых он бы сейчас трепетал перед этим грозящим пальцем джентльменом и которых отныне уж точно избежит.

Вскорости возле входной двери возник рыжий ирландец и застыл в проеме, с подозрением глядя на мальчика.

– Пэт, – обратился к нему старый джентльмен. – Вот этому парню нужна работа. Поставь его на коров. И другие поручения давай ему, если нужно. После доложишь мне, как он справляется.

– Есть, ваша честь! – гаркнул Пэт. – Шевелись, парень, пошли, – велел он Бену. – Покажу тебе размах работ.

Бен торопливо распрощался с миссис Мосс и поспешил за новым своим командиром, горя желанием сыграть с ним какую-нибудь отменную шутку в ответ на подчеркнуто нерадушный прием.

Впрочем, мгновение спустя он вовсе забыл о существовании Пэта. Потому что во дворе появился Герцог Веллингтон, нареченный так в честь римского своего профиля. Знай Бен хоть что-нибудь о Шекспире и его драмах, он мог бы воскликнуть, как Ричард Третий:

– Коня! Коня! Все королевство за коня!

Не ведая страха, он подбежал к величественному животному. Герцог Веллингтон сперва выразил недвусмысленное недовольство, прижав к голове уши и раздраженно размахивая хвостом. Бен посмотрел ему прямо в глаза, осторожно провел ладонью по серо-стальному носу и тихонечко что-то ему прочирикал. Уши коня поднялись, как при звуках располагающих и знакомых.

– Ща ты как тяпнет, коль будешь его телепать, – с многообещающим видом пробубнил Пэт. – Отзынь от его и займись коровами, как тебе велено его честью, – скомандовал он. При свидетелях хитрый этот работник всегда обращался с Герцогом очень почтительно, хотя в отсутствие оных жестоко его пинал.

– Да я совсем не боюсь, – откликнулся Бен. – Ты, старина, ведь мне больно не сделаешь, правда? – И, обхватив Веллингтона за шею, он прижался щекой к его морде. – Видите? Он понимает, что я ему друг.

Конь ответил на это доброжелательным взглядом и приветственным ржанием.

Сквайр, наблюдавший всю сцену из распахнутого окна, понял по выражению лица Пэта, что назревает конфликт, и торопливо вмешался:

– Дай парню запрячь Герцога, если сумеет. Я как раз собирался на нем проехаться. Пускай попытается.

Бен с удовольствием попытался и проявил себя столь стремительным и ловким запрягальщиком, что к моменту выхода сквайра из дома просторный фаэтон³ уже был подан к крыльцу, вместе с Герцогом, у головы которого стоял улыбающийся юный конюх. Умелая, аккуратно выполненная упряжка и быстро налаженная дружба с конем обрадовали старого джентльмена, но он не рассыпался в похвалах, ограничившись лишь краткой репликой:

– Все в порядке, парень.

Когда экипаж, скрипя и подпрыгивая на ухабах, скрылся вдали, Пэт отворил ворота скотного двора, из них показались ухоженные желтые коровы, которых Бен погнал по дороге к далекому пастбищу, где животных ожидала ранняя молодая трава. Путь их лежал мимо школы. Бен глянул на ее окна. По коридору шествовали на урок чтения ученики. Бен проникся сочувствием к ним. Провести такое прекрасное летнее утро запертым в классе ему казалось невыносимым.

Вдруг ветерок, лениво гулявший вокруг крыльца, подхватил с одной из ступеней листок бумаги и, разумеется даже не представляя себе, насколько важную оказывает услугу, легким порывом подбросил его к ногам Бена. На листке оказалась картинка. Она привлекла внимание мальчика. Подняв листок, он стал ее разглядывать. Листок, как немедленно Бену сделалось ясно, выпал из чьего-то порядком потрепанного учебника. На картинке изображались какие-то вставшие на якоря корабли, с них сходили на берег странно одетые люди, а на берегу танцевала толпа индейцев. Бен заинтересовался, однако текст под картинкой прочесть не смог, настолько сильно, к большому его разочарованию, тот оказался залит чернилами.

– Может, девочки знают? Спрошу у них, – сказал себе Бен, совершенно заинтригованный изображенной художником сценой на берегу.

Он пригляделся к крыльцу, но никаких вырванных страничек больше не обнаружил и, запихнув тот, что ему достался, в карман, направился дальше. Песня веселого боболика⁴ сопровождала его. Солнце светило мягко и ласково. Бен шел, посвистывая залиvisto, как черный дрозд на лугу, с наслаждением сознавая: его здесь приняли, к нему добры, он здесь в безопасности.

---

³ *Фаэтон* – легкая конная повозка с откидным верхом.

⁴ *Боболик* (рисовая птица) – небольшая птица отряда воробьинообразных.

Глава VI

Ходят книжечки по кругу

Вечером после ужина Бэб и Бетти уселись на старом крыльце, играя с Джозефусом и Белиндой и обсуждая события минувшего дня, потому что до сей поры в их размеренную и тихую жизнь не вторгалось ни одного события столь волнительного, как появление незнакомого мальчика и всего, что с его появлением оказалось связано. Бен как ушел сегодня с утра, так еще и не возвращался. Обедом его покормили у сквайра, а потом он работал с Пэтом на дальнем поле. Девочки увидали его там по пути из школы домой. Санчо все время держался подле хозяина. Новый уклад их жизни пуделя явно обескураживал, и он принялся с еще большей бдительностью следить, чтобы с Беном не произошло ничего плохого.

– Хорошо бы они поскорей пришли. Солнце уже садится. Я слышала, как коровы мычали. Значит, Бен уже гнал их обратно, – заметила Бетти, которая вся извелась в ожидании и воспринимала отсутствие Бена примерно так, как если бы у нее временно отобрали захватывающую книжку, чтение которой не терпится продолжить.

– Я собираюсь выучить знаки, которые Бен подает Санчо, чтобы он танцевал. Никогда еще не видела такого милого пса, – сказала Бэб. Она очень любила животных.

– Ма сказала... Ой, что это? – Бетти вздрогнула. – Что это так громко стучит в ворота?

Происхождение стука, впрочем, немедленно разъяснилось. Над воротами возникла голова Бена. Он подтянулся к железной арке с рамой для фонаря.

– Просьба занять места, дорогие леди и джентльмены! Поторопитесь! Представление начинается! Мы открываем его головокружительным номером «Летающий купидон» в исполнении несравненного мастера Блумсберри – лучшего из живущих ныне молодых дарований, – который уже успел усладить своим искусством взоры коронованных особ Европы! Аплодисменты! Музыка! Вот и он!

Провозгласив это в напыщенной манере мистера Смизерса, Бен принялся выделывать такие коленца, что даже компания исполненных чувства собственного достоинства кур, направлявшихся чинно к месту ночлега, остановилась. Потрясенное их кудахтанье походило на обмен мнениями. И кажется, к выводу они пришли однозначному: подобные кувырки могут быть вызваны лишь какой-то чрезвычайно вредной для организма пищей.

Старые ворота тоже были изрядно изумлены. Им много разного пришлось повидать на длинном своем веку, в том числе и мальчишек, которые через них лазили, однако не находилось до сей поры ни единого, кто воспользовался каждым из шаров, увенчивавших столбы, чтобы постоять на голове. Никто не повисал затем ею вниз, уцепившись лодыжками за вершину железной арки. Не ходил по верхней перекладине колесом. Не выстукивал пальцами ног, держась подбородком за арку, ритмы популярных мелодий. Не прогуливался на руках по каменной оgrade. И не подвешивал себя под конец представления к раме для фонаря, посылая с видом прекрасно воспитанного купидона «комплимент» каскадом воздушных поцелуев.

Девочки неистово били в ладоши и топали ногами. Санчо лаял, клацал зубами и прыгал, делая вид, что хочет тяпнуть хозяина за лодыжки.

– А теперь спускайся и Расскажи, что делал у сквайра. Он на тебя сердился? Тебе было трудно? – засыпала Бена вопросами Бэб.

– Ну уж нет, здесь прохладнее будет, – выдохнул мальчик и уселся в раме для фонаря, обмахивая разгоряченное лицо зеленой веточкой, которую отломал от высоких кустов. Они шумели под ветерком над его головой, и воздух насыщен был ароматом сирени. – Я делал разное. Старый джентльмен совсем на меня не сердился. Он мне очень понравился, даже десять

центов дал. А вот морковину эту рыжую ненавижу. Орал на меня, ругался, палкой огрел. Ну ничего. Найду потом способ с ним справиться.

Он сунул руку в карман, чтобы продемонстрировать девочкам блестящий десятицентовик от сквайра, но пальцы прежде монетки нащупали сложенный листок из учебника.

– Глядите. – Он извлек его на свет, мигом вспомнив, о чем так хотел узнать утром. – Расскажите мне, если знаете, что эти типы удумали? – потыкал он пальцем в картинку. – Там чернилами залито, и написанного под рисунком не разглядеть, кроме нескольких слов, а мне интересно. Отнеси им, Санчо!

Мальчик разжал пальцы, страничка плавно опустилась на землю, пес, аккуратно ее подхватив, поднес сестрам и положил у их ног, а сам с выражением глубочайшего любопытства уселся рядом.

Девочки, вглядываясь в залитый чернилами текст, начали хором читать. Бен склонился поближе к ним со своего наместа и внимательно слушал.

«Когда взошло солнце, мореплаватели увидели землю, и вид ее привлек их множеством ярких цветов, высоких деревьев с огромными листьями и фруктов, которых им прежде не приходилось видеть. Голые меднолицые люди столпились на берегу, потрясенно взирая на испанские корабли. Они представлялись им гигантскими птицами, паруса – их крыльями, а испанцы – высшими существами, спустившимися на спинах этих волшебных птиц прямо с неба».

– Да тут просто-напросто Христофор Колумб открывает остров Сан-Сальвадор. Неужели не знаешь? – Бэб глянула на Бена с таким видом, что можно было подумать, самой ей все эти люди с картинки вплоть до прославленного Христофора прекрасно знакомы.

– Не знаю я никаких Христофоров. Здешний какой-нибудь, что ли? Сильно же он на картинке важничает от своего открытия, – пробормотал Бен, немного смущенный своим невежеством, но твердо намеренный получить исчерпывающий ответ, раз уж заинтересовался.

– Ну и ну! В двенадцать лет не знать, что написано в учебнике истории Квакенбоса! – рассмеялась Бэб, впечатленная куда больше, чем открытием Колумба, открытием собственным, что этот мальчик, который ей представлялся необычайнейшим существом, мальчик, умеющий делать такие головокружительные трюки, оказывается, может нуждаться в ее поддержке и помощи.

– Да наплевать мне на твоего боса Квакена, кем бы он ни был. Объясни-ка мне лучше про важного типа с корабля. Мне он понравился, – отрезал Бен, желая добраться до сути.

И Бэб, с частыми подсказками Бетти, рассказала о Колумбе так ясно, просто и увлекательно, что Бен абсолютно все понял. Язычок-то у Бэб был бойкий, а уроки истории ей очень нравились.

– Как ты думаешь: моих десяти центов хватит такой учебник купить? – дослушав, полюбопытствовал Бен, которого после насмешек Бэб обуяла жажда знаний.

– Конечно нет, – вынуждена была разочаровать его Бэб.

– А мне хочется прочитать, что там дальше, – расстроился он.

– Ты можешь пользоваться моим учебником, когда он мне самой не нужен, – ответила Бэб. – И от меня узнавай все, что хочешь, об этом. – Похоже, она забыла, что собственные ее знания «об этом» пока далеко не исчерпывающие.

– Но у меня только по вечерам будет время читать, а вечером тебе, вероятно, тоже учебник понадобится, – сказал Бен.

– Правильно. Я как раз вечером готовлюсь к урокам истории. Бери его утром, перед тем как мы соберемся в школу.

– Утром мне уходить очень рано, поэтому не получится. Хотя нет, получится, – просиял вдруг Бен. – Сейчас расскажу. Разреши мне читать его, пока я гоню коров. Сквайру нравится, когда они вдоль дороги идут медленно и едят траву на обочинах, чтобы она слишком сильно не

вырастала и ее не надо было косить. Пэт так сказал. Ну а я, чем там просто без дела болтаться, буду читать.

Захваченный своим планом, он ждал ответа Бэб.

– Но на уроке учебник мне снова понадобится, – благоразумно заметила она. – Как ты его возвратишь?

– Ой, да положу на подоконник. Или в дверь пропихну, когда буду назад возвращаться, – предложил два варианта на выбор Бен. – Ты не бойся, я не испорчу его. И как только достаточно заработаю, куплю тебе новый, а твой пусть у меня останется. Ну, согласна?

– Да. Но посоветую тебе способ получше, чтобы передавать его мне обратно. На подоконнике учительница, возможно, заметит. И в дверь не пихай, а то украдут еще. Лучше клади его в мой тайник на углу школьной ограды, возле большого клена. Там, между корнями, найдешь плоский камень. Под ним углубление. Это мой шкафчик. Я там храню свои вещи. Самый лучший тайник, и мы им пользуемся по очереди.

– Отлично придумано. Так и сделаю, – кивнул с благодарностью Бен.

– А я могу иногда класть туда свой учебник чтения. В нем много миленьких историй и картинок, – робко предложила Бетти. Ей тоже хотелось внести свой вклад в просвещение Бена, пусть даже и более скромный, так как училась она куда хуже, чем способная Бэб.

– Предпочел бы арифметику. Читаю я и так хорошо, а вот с цифрами у меня похуже. Теперь я буду зарабатывать деньги и хочу научиться, как правильно им вести счет, – произнес Бен с видом Вандербильта⁵, озабоченного контролем над своим миллионным состоянием.

– Я тебя научу, – вызвалась Бэб. – Бетти пока сама не очень-то смыслит в сложении и вычитании, зато у нее с правописанием великолепно. Всегда первая в классе. Учительница ею так гордится. Даже самые сложные слова вроде «хо-ре-о-гра-фи-и» и «пне-вмо-ни-и» для нее легкотня.

Бетти с застенчивым видом принялась теребить свой фартучек, словно увидела вдруг на нем множество складок, которые необходимо срочно расправить. Ей редко удавалось услышать похвалу от старшей сестры. И то, что сейчас это произошло, да еще при Бене, доставило Бетти огромное удовольствие.

– В школу я никогда не ходил, но писать у меня получается лучше многих, которые в нее ходят и пишут на школьном сарае свои имена. Вот. Посмотрите.

Спустившись с крыльца, Бен выхватил из кармана обломок мелка и с большой скоростью начертил четкими линиями на плитках, которыми была вымощена дорожка, десять витиеватых букв. По одной букве на плитке.

– Ой, какие чудесные! – восхитилась Бэб и стала пристально их разглядывать. – Я даже не представляла себе, что можно писать с такими красивыми завитушками. Я так не сумею. Кто тебя научил?

– Попоны для лошадей, – на полном серьезе проговорил Бен.

– Что-о? – разом уставились на него обе сестры.

– У каждой из наших лошадей была собственная попона с их именами. Вот это я и переписывал. На повозках тоже имелись таблички с красивыми надписями. А после того как отец научил меня буквам по цирковым афишам, я сам стал стараться их складывать, и первое слово, которое прочел, было «лев». Это из-за того, что я часто ходил проводить старого Джубала. Отец так гордился, когда у меня вышло прочесть слово целиком. Хотите, я нарисую вам Джубала?

И Бен быстро изобразил на дорожке животное, в коем старый лев вряд ли смог бы признать себя. Существо это походило разве что на Санчо. Девочки тем не менее искренне восхитились. А когда Бен к тому же преподал им краткий урок естественной истории, снабжая

---

⁵ Корнелиус Вандербильт (1794–1877) – один из богатейших американских предпринимателей XIX века.

живой свой рассказ пояснительными рисунками, девочки пришли в восторг, который длился, пока не настало время ложиться спать.

Глава VII

Появляются новые друзья

На другой день Бен убежал работать, засунув в карман «Основы истории Соединенных Штатов» Квакенбоса, поэтому у коров оказалось вдоволь времени для завтрака обочинной травой, и на дальнее пастбище попали они далеко не сразу. Позже мальчик, к его удаче, был послан с поручением в город и смог опять заняться учебником, который торопливо читал по пути туда и обратно, спотыкаясь о незнакомые слова и запоминая непонятые фрагменты, чтобы Бэб ему вечером их объяснила.

На главе «Первые поселения» ему пришлось прерваться. Он достиг школы, а значит, настала необходимость учебник вернуть. Шкафчик-тайник между корней старого клена был без труда найден, после чего под камнем вместе с «Историей» Квакенбоса оказался сюрприз в виде двух палочек красно-белых леденцов, которыми Бен оплатил себе право и дальше брать книги из этой новой библиотеки.

Девочки, обнаружив во время большой перемены подарок, возликовали. Скромные заработки не позволяли миссис Мосс слишком часто тратиться на конфеты, леденцы были для двух сестер желанным, но редким лакомством, а эти им показались особенно вкусными еще и по той причине, что благодарный Бен не пожалел на покупку своих скудных средств. Бэб и Бетти поделились его подарком с любимыми подружками, однако ничего им не сказали о новой договоренности с мальчиком из опасения, как бы огласка не привела к каким-нибудь неприятностям. В курс дела они поставили только ма, сразу же разрешившую одалживать Бену книги, да и вообще поддерживать его тягу к учебе. А еще, получив от миссис Бартон отрез ткани, ма предложила дочкам оставить на время шитье одеяла из лоскутов и помочь ей сшить Бену несколько синих рубашек. «Прекрасный урок рукоделия, – подумала добрая женщина, – и мальчику славный подарок выйдет. Сам-то ведь он нипочем о таком не задумается, пока ту, что на нем, до конца не износит».

Шитьем они занялись в среду после обеда. Две сестры, устроившись на своей скамейке возле дверного проема, от души посвятили себя работе над парой рукавов. Иголки мелькали, вонзаясь в ткань и вновь выходя наружу, а две юные труженицы то распевали звонкими голосами школьные песенки, то принимались о чем-нибудь живо болтать.

Бен стойко проработал целую неделю подряд, ни от чего не отлынивая и не жалуясь, хотя Пэт, похоже, из кожи вон лез, стремясь нагрузить его поручениями потруднее и понеприятнее, и с каждым днем усердствовал в этом все больше. Помогала Бену благосклонность миссис Мосс и сквайра. И учеба его увлекала. Днем, на пастбище, он затверживал очередной урок, а вечером девочки устраивали ему проверку. Происходило это под сиренями и называлось игрой в школу.

К занятиям Бену совершенно не приходилось себя принуждать, и он очень удивлялся, узнав, что большинство школьников засаживаются за уроки с большой неохотой. Сам-то он каждую новую книгу из «библиотеки» начинал штудировать с жадностью, все отчетливее сознавая степень своего невежества, хотя нипочем не признался бы никому, насколько оно его подавляет. Он благодарно ловил и впитывал любые крохи знаний, которые могли ему предложить две юные учительницы из весьма пока небогатого ассортимента собственного запаса.

Прося Бетти послушать, как он произносит по буквам сложные слова, Бен будто бы развлекался, а когда Бэб соглашалась решать с ним на плитках дорожки арифметические примеры, готов был в уплату за доставленное удовольствие нарисовать ей любых медведей и тигров, каких она только пожелает. Затверживать, наподобие девочек, таблицу умножения было для него отвлечением от одинокого тяжелого труда.

Так днем на работе, а вечером за игрой в школу прошла неделя, и во вторник вечером после обеда сквайр, вручив Бену доллар, сказал:

– Ты годный парень. Если хочешь, оставайся еще на неделю.

Бен, поблагодарив, сначала решил, что, конечно, останется, но на другое утро его одолели сомнения. Трудиться дальше под руководством грубого Пэта ему решительно не хотелось, да и делать работу, которая была ему не по душе, он, как большинство мальчиков, терпеть не мог. Другое дело, когда что-нибудь увлекало его. Тут он не жалел ни сил, ни времени. Но монотонный, тяжелый, безрадостный труд... Кочевая жизнь не приучила Бена к планомерным усилиям. От природы способный и умный не по годам, он тем не менее готов был улучшить любую возможность праздно поболтать, вольнолюбивый дух его жаждал разнообразия впечатлений, и столь долгая остановка на одном месте уже начинала его тяготить.

Будущность здесь вдруг стала ему представляться беспросветной чередой нуднейших обязанностей. От прополки его уже мутило. Даже езда на Герцоге, запряженном в культиватор, потеряла первоначальное очарование. А одна только мысль об огромной куче дров на дворе у сквайра, которую ему было поручено сложить в сарай, вызывала у него тоскливые вздохи. За возделкой спаржи последует вскорости сбор клубники, затем сенокос и так далее, продолжал, усевшись на огороде, безрадостные свои размышления мальчик. Все лето с прекрасными солнечными и теплыми днями пройдет для него, не принося никаких удовольствий, если только отец не отыщется и за ним не вернется.

Хотя кто его, Бена, здесь, собственно, держит, если у него нет желания оставаться? Он одет. В кармане у него целый доллар. Возле школы стоят полные обеденные ведерки, которые обеспечат его едой, если их украсть. Не пора ли вновь пуститься в дорогу? Пожыми летними днями идея бродяжничества очаровывает. Тем более если дело касается мальчика вроде Бена, который жил в течение нескольких лет под брезентовым тентом бродячего цирка и странствий не опасался. Он глядел на простирающуюся вдаль дорогу с пышной и сочной зеленью по обочинам, жажда уйти по ней, и соблазн каждую минуту одолевал его все сильнее.

Санчо, похоже, полностью разделяя этот его порыв, принялся торопить его весьма выразительными прыжками туда-сюда, призывным лаем и взглядами, яснее слов говорившими: «Ну же, Бен. Раз решил, чего медлить. Помчимся вдвоем по этой чудесной дороге и остановимся, только когда устанем».

Над их головами порхали вольные ласточки. Свежий западный ветер стремительно гнал по небу светлые облачка. Белка бежала по верху стены. Казалось, вокруг все движется и стремится куда-то, и как же это было созвучно тому, что испытывал Бен! Сбросить с себя скорее ярмо постылой работы и унести вдаль свободным и легким, как эти облака... Бен, однако, еще колебался. Удерживало его на месте сознание того, сколь черной неблагодарностью он ответит своим побегом великодушной миссис Мосс и в какое расстройство повергнет Бэб и Бетти, которые, едва обретя двух новых друзей, обнаружат, что их потеряли. И пока он стоял, размышляя таким вот образом, произошло нечто (называйте это хоть случаем, хоть знаком свыше), что удержало мальчика от поступка, в котором позже он сильно бы раскаялся.

Бен всегда относился с нежностью к лошадям, вызывая с их стороны то же чувство к себе. Вот и сейчас не кто иной, как лошадь, да к тому же прекрасная, была послана ему во спасение, хотя сам он лишь позже понял, насколько была для него судьбоносной эта встреча. Мальчик уже занес ногу над живой изгородью, решив срезать через поле путь к дороге, когда услышал цокот копыт. Он не сопровождался перестуком колес экипажа. Бен замер заинтересованный, с любопытством вглядываясь, кто и зачем сюда скачет на такой скорости верхом.

За поворотом дороги рысь перешла в плавный шаг, и Бен увидел гнедую, а верхом на ней очаровательную молодую леди, у которой в петлице темно-синего жакета сияли, как звезды, ярко-желтые одуванчики. С луки седла свисал хлыстик с серебряной рукояткой, явно больше

для красоты, чем чтобы понукать им лошадь. Красивая кобыла немного прихрамывала и трясла головой, будто ее что-то мучило. Леди склонилась, пытаясь понять причину.

– Если тебе, Чевалита, камень в копыто попал, придется мне спешиться, чтобы его вытащить. Неужели нельзя как следует посмотреть под ноги и не создавать мне лишних проблем? – осведомилась она таким тоном, точно рассчитывала на ответ.

– Сейчас посмотрю для вас, мэм! С удовольствием это сделаю! – Бен так неожиданно прыгнул перед ними с ограды, что всадница и лошадь вздрогнули.

– Буду рада. Лошадь ты можешь не опасаться. Лита ласковая, как ягненок, – улыбнулась леди. Пылкость, с которой мальчик вызвался ей помочь, весьма ее позабавила.

– Она у вас красавица, – смущенно пробормотал Бен и принялся поднимать одну за другой лошадиные ноги, пока не обнаружил камень, который с некоторым трудом извлек.

– До чего же умело ты это сделал! Очень тебе обязана. А теперь не скажешь ли мне, какая дорога ведет от этого перекрестка к Вязам? – спросила леди, тронув тихонько лошадь, чтобы идти рядом с мальчиком.

– Нет, мэм. Я новый в этих местах. Знаю только, где живет сквайр Моррис. Ну и еще миссис Мосс.

– Мне хочется их обоих увидеть, – откликнулась леди. – Покажешь дорогу? Я здесь бывала когда-то давным-давно. Казалось, что помню, как отыскать старый дом с большими воротами на Аллее вязов, но не нашла.

– Понял, о чем вы. – Бену наконец стало ясно, куда она направляется. – Теперь это место Сиренями называют. Там из них целая изгородь. Вдоль всей передней части стены. Очень красиво. Бэб и Бетти играть под ними ужасно нравится. И мне тоже.

Тут Бену вспомнилось его первое появление там, и он прыснул. Леди внимательно взглянула на его веселую физиономию.

– Ну-ка рассказывай. Бэб и Бетти твои сестры?

И Бен, совершенно забыв о плане побега, принялся ей рассказывать о себе, своих новых друзьях, своей жизни здесь, а леди заинтересованным своим видом, сочувственными взглядами и вопросами вдохновляла его на изложение все новых подробностей. Возле здания школы он остановился и простер руки в стороны наподобие дорожного указателя.

– Это дорога в Сирени, а вон туда – к сквайру.

– Поскольку я спешу увидеть Старый Дом, в его направлении сначала и двинусь. А ты, пожалуйста, передай миссис Мосс от меня привет с любовью и скажи сквайру, что мисс Селия придет к нему на обед. С тобой не прощаюсь. Мы непременно попозже встретимся.

Молодая леди кивнула ему, улыбнулась и усакала прочь. Бен, спеша исполнить ее поручение, заспешил вверх по склону холма, и на протяжении всего пути к дому сквайра его не оставляло предчувствие каких-то очень приятных событий, в связи с которыми планы побега стоит оставить, по крайней мере на данный момент.

Мисс Селия появилась у сквайра в час дня, и Бену доставило удовольствие помочь Пэту отвести в стойло хорошенькую Чевалиту, после чего мальчик, расправившись торопливо с обедом, рьяно начал трудиться над кучей дров, которая еще недавно вызывала у него столь сильное отвращение. Да и в самом деле, может ли показаться отвратительной работа, если она позволяет заглядывать ненароком в окно столовой и видеть изящную головку с вьющимися каштановыми волосами, а также счастливые и веселые головы сквайра и его жены, которые любовались гостьей не меньше, чем Бен. А еще он слышал невольно обрывки их разговора. Окна-то были распахнуты, и кое-какие фразы, доносившиеся до его ушей, будили в нем любопытство. То и дело произносились имена: Торни, Селия, Джордж. По столовой прокатывались взрывы смеха, звучавшие музыкой в этом тихом обычно месте.

Когда обед подошел к концу, трудовой порыв Бена иссяк так же внезапно, как и возник, и он начал вяло катать взад-вперед тачку, косясь на дверь дома, пока гостя не вышла наружу.

Шанса помочь ей с лошастью на сей раз не представилось. Пэт, в жаде любого вознаграждения, навязчиво суетился вокруг лошади и ее хозяйки вплоть до того момента, когда она оказалась в седле. Мисс Селия тем не менее не забыла о своем юном гиде. Приметив, как он из-за кучи дров провожает ее тоскливым взглядом, она остановилась возле ворот и с такой ободряющей улыбкой поманила его к себе, что, стой у него на пути даже десять злобных Пэтов, он бросил бы вызов им всем. Перемахнув через ограду, сияющий Бен остановился перед мисс Селией в полной готовности оказать напоследок ей хотя бы еще одну услугу. Та склонилась к нему и протянула монетку в четверть доллара.

– Это от Литы. Она просила тебе передать – за то, что ты вытащил у нее из ноги камень.

– Спасибо, мэм. Я с удовольствием ей помог. Ненавижу, когда лошади хромают. Особо такие хорошенькие, как эта, – ответил Бен и ласково погладил шелковистую шею животного.

– Сквайр говорит, ты много знаешь о лошадях. Может быть, и язык гуигнгнмов⁶ тебе понятен? Я старательно изучаю его. Он, по-моему, великолепен, – рассмеялась мисс Селия, а Чевалита с коротким ржанием сунула нос в карман Бена.

– Нет, мисс. Я никогда не ходил в школу, – сказал он.

– Но там этому лошадиному языку и не учат, – весело продолжала мисс Селия. – Когда вернусь, привезу тебе книгу. В ней и прочтешь, как мистер Гулливер посетил страну лошадей и ему удалось понять язык, на котором они говорили.

– Мой отец был в прериях. Диких лошадей там полно. Но он никогда не слышал, чтобы они на чем-нибудь там говорили. А мне и без книг понятно, о чем они просят и как с ними себя вести, – усмехнулся Бен, понимая, что леди с ним шутит, но не улавливая смысла шутки.

– Нисколько не сомневаюсь, – сказала мисс Селия, – но все равно привезу тебе книгу. А теперь до свидания, мой мальчик. Мы очень скоро опять увидимся.

И она унеслась прочь, по всей видимости куда-то очень спеша.

«В красной амазонке⁷ да с пышным белым пером на шляпе она бы почти не отличалась от Мелии: такая же добрая и ездит верхом почти так же здорово. Интересно, куда она торопилась? Надеюсь, действительно скоро вернется», – думал Бен, провожая взглядом новую знакомую, пока она не исчезла за поворотом дороги.

Полный мыслями об обещанной книге, он вернулся к работе, время от времени останавливаясь, чтобы позвякать спрятанными в кармане двумя пятидесятипенсовиками и одним четвертаком. Сумма казалась ему огромной, и он прикидывал, каким образом будет лучше всего ею распорядиться.

Бэб и Бетти тем временем ожидало замечательное знакомство. Вернувшись из школы на перерыв, они обнаружили у себя дома чудесную молодую леди, которая сразу же отнеслась к ним так, словно была их давней подругой. Она покатала их на своей красивой лошади, а потом, когда пришло время им вновь идти в школу, на прощание нежно обеих расцеловала. Вечером леди они у себя не застали, но в Старом Доме все окна оказались распахнуты, а ма с большим воодушевлением подметала там полы, тщательно избавлялась от пыли на всех поверхностях и проветривала постельные принадлежности. Сестры прекрасно покувыркались на пуховых перинах, повыбивали ковры, распахнули створки во всех шкафах и пронесли по всему дому от подвала до чердака с энергией ошалелых котят.

В Старом Доме Бен их и обнаружил, чуть ли не сбитый с ног волной новостей, которую сестры совместно обрушили на него. Мисс Селия – хозяйка этого дома, она приедет в нем жить, и необходимо как можно скорее навести здесь полный порядок. Всем такая перспектива показалась как нельзя более привлекательной. Миссис Мосс порядком наскучило приглядывать

---

⁶ Гуигнгнмы – разумные лошади из романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726).

⁷ Амазонка – здесь: женский костюм для верховой езды.

столько времени за необитаемым домом, и она была рада, что он оживает. Девочки с нетерпением ждали возможности снова увидеть старшую подругу, да к тому же им было известно, что она привезет с собой забавных животных и, как узнал Бен, еще и мальчика. Ничто теперь не могло оторвать его от этого интересного места, кроме приезда отца.

– Ох, как же мне хочется поскорее увидеть павлинов. Мисс Селия рассказала, они кричат. И говорит, мы будем смеяться, когда услышим рев ее старого ослика Джека, – выпалила, подпрыгивая на месте, Бэб.

– А я вот не поняла, фейтун – это какая-то птица? – озадаченно спросила Бетти. – Мисс Селия говорит, ее будут держать в старом каретном сарае.

– Не ее, а его, и не фейтун, а фаэтон, – скорчился от смеха Бен. – Это маленький экипаж, – добавил он, поражаясь невежеству Бетти в столь важной области жизни.

– Да. Именно фаэтон, а не финтон. Я справилась в словаре, – уточнила Бэб, любившая по любому поводу напоминать о правилах, умолчав при этом, что искала-то в словаре сперва «финтон», пока одноклассницы не просветили ее, как пишется это слово.

– Ну, насчет экипажей можете мне не рассказывать. Сам знаю о них достаточно. А вот где стойло Литы будет, слышали? – поинтересовался Бен.

– Первое время у сквайра, и, пока здесь все не наладится, ты будешь ее приводить сюда. Сквайр приходил и сказал это ма. И еще он сказал, что лично тебя испытал и ты человек, которому можно доверять.

Бен промолчал, мысленно возблагодарив небеса, не позволившие ему лишиться доверия и сбежать отсюда, когда здесь начинается самое интересное.

– А правда, здорово, что большой дом теперь всегда будет открыт и мы сможем, когда захочется, забежать в него? Посмотрим картины и книги. Теперь так и будет. Уверена. Мисс Селия ведь очень добрая, – выпалила на одном дыхании Бетти, которой все это было куда интереснее кричащих павлинов и ревущих осликов.

– Не когда захочется, а лишь если вас пригласят, – охладила ее пыл ма, запирая парадную дверь. – И я вам советую: прямо сейчас начните-ка собирать свои вещички. Ты, Бен, если не слишком устал, возьми грабли и наведи хоть чуть-чуть аккуратности, пока я с замками вожусь. Хочется, чтобы тут стало все покрасивее.

У девочек вырвалось по короткому стону. Обе с тоской поглядели на тенистую беседку, любимое крыльцо и любимые дорожки, по которым они носились так, что «ветер свистел в волосах», как часто пишут в сказках.

– Что же нам теперь делать? На чердаке у нас в домике очень жарко, и он такой маленький. А во дворе полно куриц и белье вечно сушится. Что ж, давай соберем свои вещи. Больше нам уже не придется в них играть, – произнесла трагическим голосом Бэб.

– Может быть, Бен сумеет построить нам маленький домик в яблоневом саду? – с надеждой повернулась к мальчику Бетти, уверенная, что он может все.

– У него времени на это не будет. И вообще, мальчикам кукольные домики совершенно неинтересны, – уныло пробормотала Бэб, собирая своих обездоленных кукол и прочие вещи.

– Может быть, куклы окажутся нам не очень и нужны, когда появится столько разного нового, – предположила Бетти, старавшаяся в любой ситуации находить что-нибудь обнадеживающее.

Глава VIII

Подручный мисс Селии

Устал Бен не слишком, за расчистку газона принялся тем же вечером, и весьма своевременно, так как дня два спустя начали прибывать вещи. Этот процесс внес сильное оживление в жизнь троих детей и показался им самой увлекательной из всех известных им игр. Первым пожаловал фаэтон. Восхищение Бена, казалось, не знало предела. Сразу представив себе всю меру счастья того, кому улыбнется удача занять высокое маленькое сиденье сзади, он отныне, чем бы ни занимался, скрашивал работу мечтами, как, разбогатев, сможет приобрести себе точно такой же потрясающий экипаж, разъезжать в нем часами и обязательно приглашать покататься каждого мальчика, который встретится ему по дороге.

Следом за фаэтоном в ворота въехала фура, груженная мебелью и маленьким кабинетным роялем. Тут уж настал момент восторгаться девочкам. Особенно привлекли их несколько небольших стульев и низенький столик, которые показались им очень подходящими для игр. Появившаяся затем живность внесла заметную новизну в существование обитателей этой округи. Павлины здесь были редкими гостями. Осел пугал своим ревом скот, а людей повергал в хохот. Кролики постоянно сбегали из клетки, чтобы рыть норы в саду, где был только что наведен порядок. А старого Герцога Веллингтона возмущало резвое топотание Чевалиты по конюшне, потому что конюшню сквайра он считал своей суверенной собственностью и за многие годы привык проводить здесь свой досуг в гордом одиночестве.

И наконец, состоялось последнее, самое важное прибытие: появились мисс Селия, ее юный брат и две служанки. Произошло это таким поздним часом, что лишь миссис Мосс пошла помочь им устроиться. Девочки очень были расстроены, однако утешились маминым разрешением с утра пойти в Старый Дом и поприветствовать новых его обитателей.

Поднялись все трое детей ужасно рано. Миссис Мосс, видя, какое их снедает нетерпение, сочла за лучшее не препятствовать их визиту, хотя и предупредила, что хозяева наверняка еще не проснулись и бодрствующими они застанут разве только служанок. Она, однако, ошиблась. С крыльца при их появлении раздалось:

– Доброе утро, маленькие соседи!

Прозвучало это настолько для всей компании неожиданно, что у Бэб из бидончика, который ей дала ма, едва не выплеснулось свежее молоко, а Бетти так вздрогнула, что яйца, которые она несла в тазике, запрыгали, а Бен, прикрывая расплывшееся в широкой улыбке лицо охапкой клевера, захваченной для кроликов, смущенно проговорил:

– С Литой все в порядке, мэм. Мигом доставлю, как только скажете.

– Мне она будет нужна в четыре часа. Торни слишком устал, чтобы куда-нибудь ехать, но я должна – в любую погоду – добраться до почты за новостями.

Говоря это, мисс Селия зарделась, то ли от посетившей ее какой-то приятной мысли, то ли смущенная тремя парами юных глаз, выразивших столь явное восхищение ею, стоящей в белом платье под кустом жимолости.

Появление служанки Миранды напомнило детям, что они еще не вручили посылки от миссис Мосс. Спешно исправив оплошность, ранние визитеры уже собирались в некотором смущении удалиться, когда мисс Селия проговорила:

– Очень вам благодарна. Такой порядок везде навели, и в саду, и в доме. Какие же вы молодцы.

– Я везде здесь прошелся граблями. – Бен окинул горделивым взглядом аккуратные овалы и круги клумб.

– А я убралась на крыльце, – с таким тяжким вздохом сообщила Бетти, что чистый фар-
тучек ее вздыбился и опал, словно свидетельствуя, какую тоску вызывает в ней вид опустевшей
кукольной резиденции.

Мисс Селия поняла, что крылось за этим вздохом, и, торопясь изгнать тоску из ее сердца,
осведомилась участливо:

– А где же игрушки? Ни одной не вижу. Что с ними произошло?

– Ма сказала, вам не захочется, чтобы они здесь валялись вокруг, и мы их убрали, – с
чинным видом объяснила ей Бэб.

– Нет, мне как раз очень захочется. Пусть валяются. Я по-прежнему обожаю кукол и
игрушки. Пусть будут и на крыльце, и на дорожке. Давайте-ка вы сегодня придете ко мне на
чай и хоть часть принесете обратно. Я совсем не хочу лишать вас любимого места для игр.

– Ой, да! Конечно! С удовольствием принесем! Самое свое лучшее!

– Ма всегда разрешает нам брать блестящие кувшины и фарфорового пуделя, когда мы
идем в гости или гости приходят к нам!

Первое восклицание принадлежало Бэб, а второе Бетти, и выпалили они все это одно-
временно.

– Тащите что хочется. А я принесу свои игрушки. Бен тоже должен прийти. А пуделю его
особое приглашение, – добавила мисс Селия, глядя на Санчо, который подошел к ней и сделал
«попросить», показывая, что обсуждаемое мероприятие ему лично тоже весьма интересно.

– Спасибо вам, мэм. А я ведь им говорил, что вы не будете против, если они по-преж-
нему станут сюда приходить. Им это место так полюбилося. Да и мне тоже, – сказал Бен,
который и впрямь придерживался суждения, что мало на свете найдется мест, где собраны
воедино столь заманчивые преимущества: деревья, на которые можно лазить, железная арка
ворот, будто специально созданная для акробатических трюков, полудюжина фронтонов и еще
множество всего привлекательного для честолюбивого юнца, сумевшего стать в семилетнем
возрасте Летающим Купидоном.

– Я очень люблю этот дом, – вздохнула мисс Селия. – Десять лет назад меня привезли
сюда совсем еще девочкой. Вот прямо здесь, под этими кустами, я плела цепи из сирени. Соби-
рала мокричник для своей птицы. Катала по этим дорожкам Торни в коляске. Здесь тогда
жил мой дедушка. Чудесное было время. Увы, теперь нет в живых ни дедушки, ни родителей.
Только мы с Торни остались.

На лицо мисс Селии легла тень. Так облако порой ясным днем вдруг наплывает на солнце.

– У нас тоже нет папы. – Бэб, поняв ее состояние, поторопилась разделить с ней чувство
сиротства.

– А у меня есть первоклассный отец. Знать бы только, куда он девался, – отозвался Бен
и глянул на дорожку, которая шла к воротам, с затаенной надеждой.

– Все богаты по-своему. Ты, Бен, отцом, а вы, девочки, замечательной мамой. С первого
взгляда на вас понимаешь, до чего же она хороша. – И стоило молодой леди посмотреть на
аккуратных розовощеких сестер, как свет ясного утра вновь засиял на ее лице.

– Можете взять немного нашей мамы себе, – с чувством сказала Бетти.

– Так и сделаю. А вы будете моими младшими сестричками. У меня никогда их не было,
а так хочется испытать, каково это.

И пухленькие ладошки сестер оказались в руках мисс Селии, готовой этим своим пер-
вым утром здесь, которое, как по заказу, выдалось теплым и солнечным, любить всех и вся и
убежденной, что начинается очень счастливая полоса ее жизни.

Бэб, энергичным кивком изъявив согласие, принялась разглядывать кольца на тонких
белых пальцах Селии. А Бетти, обхватив свободной рукой названую сестру за шею, с такой
нежностью поцеловала ее, что голодному сердцу девушки досталась наконец пища, в которой
оно давно испытывало нужду. Прижав к себе Бетти и поигрывая ее золотистыми косами, она

принялась рассказывать о немецких девочках в забавных шапочках из черного шелка, платьях с высокой талией, которых видела за поливкой длинных льняных полотнищ, расстеленных на траве выгорать под солнцем до белизны, или за выпасом стада гусей, или когда они гнали свиней на рынок и одни из них на ходу одновременно вязали, а другие пряли.

Вскорости появилась упитанная горничная мисс Селии по имени Ранда.

– Мастер Торни больше ждать ни минуты не хочет, – объявила она.

Мисс Селия поторопилась в дом, чтобы в самом прекрасном расположении духа позавтракать с братом, а дети поспешили к миссис Мосс, на которую тут же обрушился поток слов, и говорили все трое одновременно.

– Фэтон к четырем... Такая милая в потрясающем белом платье!.. Приглашены к чаю! Вместе с Санчо и всем нашим кукольным! Нам можно надеть наши выходные платья?.. У Литы такая красивая новая сетка!.. Она сама любит кукол!.. Здорово! Здорово! Вот будет здорово!

Миссис Мосс изрядно пришлось постараться, прежде чем ей удалось получить хоть какое-то представление о грядущем празднике. И еще больших усилий ей стоило усадить дочерей за завтрак. Перспектива провести время ярко, как никогда, совершенно вскружила им головы.

Учебный день представлялся им бесконечным, и они скрашивали томительные часы, так усердно смакуя удовольствия, которые обещал им вечер, что подруги их страшно расстроились. Их-то в Сирени не приглашали.

Днем ма едва удержала дочерей от стремления забежать в Старый Дом, сказав:

– Нечего там всем мешать.

Пришлось сестрам ограничиться походом к кусту сирени, до которого долетали запахи из кухни, где кухарка мисс Селии готовила что-то очень аппетитное к чаю.

Бен так усердно работал до четырех часов дня, будто на кону была его жизнь, а затем принялся помогать Пэту, пока тот не выскреб шерсть Литы до шелкового сияния, после чего уже самолично препроводил ее в каретный сарай и с удовольствием запряг.

– Мне подъехать к главным воротам и там вас ожидать? – спросил он, когда все было готово, у молодой леди, которая, надевая перчатки, наблюдала за ним с крыльца.

– Нет, Бен. Большие ворота до октября не откроют. Так что покуда стану выезжать и въезжать мимо сторожки. Оставим траве и одуванчикам еще немного времени понаслаждаться Аллеей вязов, – ответила она, садясь в экипаж и ловким жестом беря поводья.

Бен вытряхнул новый пыльник и аккуратно расправил его у нее на коленях, но мисс Селия трогаться с места не торопилась.

– Что-то не так? – с тревогой поинтересовался он.

– В общем-то, да, – ответила она. – Мне кое-чего не хватает. Может, сам догадаешься?

И мисс Селия проследила с улыбкой, как обеспокоенный его взгляд пронесся от кончиков Литиных ушей до задних колес экипажа. «Что я упустил? В чем моя оплошность?» – читалось на растерянном лице мальчика.

– Тебе не кажется, что в поездках мне бы не помешал юный грум? – наконец, не в силах длить больше его замешательство, спросила она, явно предназначая эту высокую честь ему, Бену.

Лицо кандидата в юные грумы сперва порозовело от удовольствия. Но следом брошенный взгляд на порядком уже истрепавшиеся рукава синей рубашки и босые ноги вынудил его, запинаясь от расстройства, пробормотать:

– Неподходящий я видом, мэм. А одежды другой не имею.

Но мисс Селия улыбнулась и тоном, который свидетельствовал убедительней слов, что ее решение неизменно, ответила:

– Один великий человек сказал, что латами ему были два рукава рубашки. А один милый поэт воспел босоногого мальчика. Ну и с чего же мне так возгордиться, чтобы не ехать с одним

из них? Залезай-ка, мой верный грум Бен, на свое сиденье – и скорее в путь. Иначе опоздаем на важное чаепитие.

Одним прыжком оказавшись на положенном ему месте, свежееиспеченный грум уселся там очень прямо: ноги застыли, руки сложены, нос задран вверх. Все точно так, как Бен наблюдал у образцовых грумов, сопровождавших шикарные экипажи важных господ. Проезжая мимо сторожки, он увидел миссис Мосс и в соответствии с обретенным своим положением самым достойнейшим образом дотронулся для приветствия до поля рваной шляпы, хотя широкой улыбки все же сдержать не смог, а когда Лита на гладкой дороге, ведущей к городу, перешла на рысь, и вовсе залился смехом.

Какая же малость способна принести ребенку счастье! Жаль, взрослые редко вспоминают об этом. Иначе разбрасывали бы крупы радости перед юными существами так же обильно, как хлебные крошки голубям, и мир расцвечивался бы огромным количеством сияющих лиц. Мисс Селия знала, сколь сильное удовольствие доставила Бену, и он мог бы много всего ей об этом сказать, не лиши его нахлынувшее воодушевление дара речи до такой степени, что он был способен лишь улыбаться каждому встречному да похихикивать, когда концы длинной серой вуали молодой леди задувало ветром ему на лицо. И ох, как же хотелось ему обнять ее так же крепко, как Мелию, когда та бывала особенно расположена к нему и добра.

Когда они ехали мимо школы, там как раз завершились занятия, и могу вас заверить, сцена вышла достаточно выразительная. Ученицы и ученики таращились изумленно на Бена, а он проплывал над ними, меряя их с высочайшего своего положения равнодушным взглядом небожителя, вззирающего на презренную толпу где-то там внизу. Может быть, Бен точно таким же образом пронесся бы даже мимо Бэб и Бетти, сделав вид, что не заметил их в толпе других школьников, но сестры стояли под старым кленом – хранителем их тайной «библиотеки», одна мысль о которой побудила его забыть о своем высоком статусе и самым дружеским образом их поприветствовать.

– Мы возьмем их с собой обязательно, но как-нибудь в другой раз. А теперь мне нужно поговорить с тобой, – сказала мисс Селия, пустив Литу вверх по склону холма. – Брат мой долго болел, и я надеюсь, что здесь он окончательно выздоровеет и окрепнет. Развлекаю его как могу, и мне кажется, ты бы мог мне в этом помочь. Согласен поработать на меня вместо сквайра?

– Ну конечно да! – выпалил Бен так жарко и искренне, что задавать еще какие-либо вопросы по этому поводу стало излишне.

– Видишь ли, – продолжала мисс Селия, довольная столь быстро достигнутым соглашением, – Торни, бедняга, еще очень слаб, любое усилие вызывает в нем раздражение, но его как-то нужно расшевелить. И на воздухе находиться как можно больше ему просто необходимо. Он должен потихонечку возвращаться к нормальной жизни. Ходить он много пока не может, но я купила кресло-каталку. По гладким камням дорожек возить его в ней тебе будет легко. Вот и пусть это станет первой твоей обязанностью. А второй – уход за его питомцами, пока он снова не будет в силах сам ими заняться. И втягивай его в разговоры, какие вы, мальчишки, между собой обычно ведете. Можешь ему рассказывать о своих приключениях. Думаю, это его прекрасно займет, если я буду вынуждена куда-нибудь отлучиться, хотя надолго его одного пока не оставляю. Впрочем, надеюсь, что скоро он в моем обществе нуждаться перестанет и будет бегать по всей округе не хуже остальных. Привлекает тебя такая работа?

– Первоклассно! Я буду очень стараться радовать его изо всех сил. И Санчо мне поможет. Он детей любит, – заверил Бен, которому новое место работы казалось немыслимо привлекательным.

– Посмотрела бы я на Торни, назови ты его в глаза малышом! – рассмеялась мисс Селия. – Ему ведь уже четырнадцать, и он с каждым днем становится все выше ростом. Я-то, конечно, его до сих пор считаю ребенком, потому что на десять лет старше, но и тебе совершенно нечего

опасаться его длинных ног и больших глаз. Он слишком слаб пока для военных действий. Только не возражай, если начнет тобой командовать.

– Ну, я к такому привычный и не возражаю, если только в меня предметами разными не кидают и не твердят постоянно, что я лоботряс, – ответил Бен, вспомнив последний рабочий день под командой Пэта.

– С Торни тебе подобное не грозит. Уверена, ты ему понравишься. Он уже о тебе чуть-чуть знает и ждет не дождется увидеть циркового мальчика. Ему очень понравилось так тебя называть. Сквайр Аллен сказал, что полностью доверяет тебе. Это меня избавило от массы хлопот и поисков. Если согласен остаться, тебя будут вкусно кормить, одевать и хорошо платить.

– Согласен. Ясное дело, останусь. До поры, пока за мной не приедет отец, уж точно. Сквайр уже написал Смизерсу, но ответа не получил. И видать, не скоро получит. Они в эту пору из города в город переезжают, – объяснил Бен, которому, после того как он получил такое прекрасное предложение, куда меньше прежнего хотелось скорее отсюда уехать.

– Ну а пока отец твой не объявился, посмотрим, как мы поладим, – сказала мисс Селия. – Возможно, он, если занят делами, позволит тебе остаться на целое лето. А теперь покажи-ка мне, где здесь булочник, магазин сладостей и почта? – попросила она, так как они уже ехали по деревне.

Бен энергично взял на себя обязанности провожатого и, когда молодая леди справилась при его помощи со своими задачами, был ею вознагражден парой новых ботинок и соломенной шляпой с синей ленточкой, на свободно струящихся концах которой сияли серебряные якоря. Весь путь обратно править Литой было позволено Бену, чтобы хозяйка могла спокойно прочесть полученные на почте письма. Одно из них, в конверте с какой-то необычайной маркой, оказалось особенно длинным. Мисс Селия прочла его дважды и до самого дома больше не произнесла ни слова, а сразу же по приезде отправила Бена с Литой и письмами, взятыми на почте для сквайра, к почтенному соседу, откуда мальчик обещал, закончив тамошнюю работу, возвратиться к назначенному часу праздничного чаепития.

Глава IX

Счастливое чаепитие

Ровно за пять минут до шести вся компания припожаловала к Старому Дому, и по виду каждого сразу было понятно, сколь высокого уровня этот визит. Бэб и Бетти пришли в своих лучших платьях и с ленточками в волосах, Бен – в новой синей рубашке и новых ботинках, Санчо – тщательно причесанный и отмытый, с сияющими белизной кудряшками на гриве и манжетиках на лапах.

Из дома никто навстречу гостям не вышел, вернее, им не попалось на глаза ни единого человеческого существа, зато они увидели посреди дорожки низкий стол, четыре стула и табуретку, а на столе – прелестный сервиз из зелено-белого фарфора. Сестры тут же принялись любоваться изящными чашечками, тарелочками и забавным молочником в форме цветка белой калы, выглядывающего из зеленых листьев. Бен алчно взирал на яства. А Санчо удерживался из последних сил от соблазна поступить с чем-нибудь на столе так же, как с праздничным пирогом сестер. Словом, пес вовсю нюхал, дети улыбались, а чайник, уже закипающий на спиртовке, пел им свою уютную песенку.

- Это ведь совершенно прекрасно, – сказала Бетти, завороженная убранством стола.
- Хотелось бы мне, чтобы Салли была тут. – Бэб так и не простила пока свою врагиню.
- Интересно, а где же мальчик? – поинтересовался Бен, немного тревожась.

Из сада послышалось дребезжание. Гости разом повернулись на звук и мгновение спустя увидели мисс Селию. Она толкала кресло на колесиках, а в кресле сидел ее брат. Длинные его ноги были укутаны ярким афганским пледом. Широкополая шляпа, надвинутая на лоб, почти скрывала верхнюю половину лица, а нижней, открытой, придавали весьма неприятное выражение капризно изогнутые губы.

– Если они шуметь станут, я тут же уйду домой, – раздраженным тоном проговорил он. – Не понимаю, зачем ты их вообще позвала.

– Чтобы развлечь тебя, дорогой. И тебе с ними станет весело, если не отпугнешь их, – тихо отозвалась сестра и, так как они подходили все ближе к гостям, улыбнулась им из-за спинки кресла и уже в полный голос проговорила: – Какие же вы пунктуальные! Ну и я тоже готова. Вот прямо сейчас и сядем за стол. Это мой брат Торнтон. Мы все постепенно станем добрыми друзьями. А это, – указала она брату на пуделя, – самый замечательный пес на свете. Видишь, какой он кудрявый и симпатичный?

Бен, хорошо расслышавший замечание Торни по поводу гостей, сильно засомневался, что у него с ним завяжется дружба, а тот, в свою очередь, заведомо был уверен, что какой-то бродяга, пусть даже умеющий выделять разные виртуозные трюки, – компания для него совершенно неподходящая. Поэтому оба в процессе знакомства держались достаточно сухо и холодно. Тут-то и выяснилось, что Санчо обладает гораздо лучшим воспитанием и манерами, чем они, да к тому же лишен глупой гордости: он подал прекрасный пример остальным, когда, размахивая хвостом с кисточкой, словно белым флагом, приблизился к креслу и протянул брату мисс Селии для дружеского рукопожатия свою мохнатую лапу.

Такой дружелюбный призыв Торни проигнорировать был не в силах. Рука его невольно потянулась к белой голове, поглаживая которую он поглядел в умные, полные расположения глаза пуделя и, повернувшись к сестре, сказал:

- Какой он мудрый. По-моему, даже говорить сумеет, если захочет, правда?

– А он умеет. Санчо, спроси у него: «Как дела?» – приказал псу Бен, немного расположившись к Торни, после того как тот восхитился его любимцем.

– Гав! Гав! Гав! – с вопросительной интонацией и в точности повторяя ритм фразы «Как дела?», пролаял пудель, и передняя его лапа коснулась головы, как вежливо дотрагиваются при приветствии до полей шляпы.

Торни не удержался от смеха, и мисс Селия, поняв, что лед отчуждения сломан, подкатила кресло к столу. Девочек она посадила по одну сторону от него, Бена – по другую, а сама заняла председательское место напротив брата, и чаепитие началось.

Бэб и Бетти болтали с милой хозяйкой так весело и непринужденно, как случается обыкновенно среди давно знакомых, близких людей, но мальчиков все еще сковывало смущение, и Санчо у них превратился в посредника, через которого они обращались друг к другу. Это великолепное животное вело себя с удивительным тактом. Пес восседал за столом на положенной для него подушке до того гордо и с выражением такого достоинства, что предлагать ему еду казалось по меньшей мере неприличным. Он, похоже, без интереса отнесся к блюду, где лежали специально ему приготовленные толстые сэндвичи. Время от времени Бен клал один из них ему на тарелку, но Санчо и после этого делал вид, будто не замечает угощения, до тех пор пока не звучала команда «можно». Вот тут-то сэндвич моментально исчезал в его пасти, вслед за чем пес опять с отрешенным видом погружался в глубокие размышления.

Но любая выдержка и благовоспитанность имеют предел, когда в непосредственной близости находится столько изысканных деликатесов, манящих своим восхитительным запахом и чарующим видом. Как ни старался Санчо оставаться невозмутимым, ноздри его трепетали, взгляд то и дело скашивался в сторону заветного блюда, а хвост с пышной белой кисточкой, белым шлейфом лежащий на красной подушке, волнительно елозил. И наконец наступил момент, когда соблазн оказался сильнее воли. Внимание Бена привлекло что-то сказанное мисс Селией. Сладкий тарт на его тарелке остался без присмотра. Санчо глянул на Торни. Тот, внимательно наблюдавший за ним, кивнул. Пес благодарно моргнул в ответ и проглотил тарт хозяина, после чего начал с задумчивым видом разглядывать воробья, который покачивался на ветке над его головой.

Плутовство этого хитрюги до того позабавило Торни, что, откинув шляпу со лба, он захлопал в ладоши и разразился таким самозабвенным хохотом, какого никто от него не слышал уже много недель. Все обратили к нему изумленные лица, а Санчо, в свою очередь, окинул недоуменно-вопросительным взглядом присутствующих, словно говоря: «Веселье ваше, друзья мои, совершенно неподобающее, и для него нет никакого повода».

Избавившись от хандры и смущения, Торни стал общителен и приветлив. Бен тоже расслабился до такой степени, что начал ему рассказывать увлекательные истории из цирковой жизни и совершенно зачаровал его ими. Мисс Селия с облегчением наблюдала за мальчиками. Все было замечательно. Еда поглощалась за разговорами воодушевленно и быстро. Тарелки уже несколько раз пустели и вновь наполнялись, и чайник доливали дважды. Мисс Селия в некоторой тревоге за организмы гостей и брата хотела было переключить их от гастрономических удовольствий к каким-нибудь другим, когда на дорожке внезапно возник незнакомый мальчик.

Лет шести, хорошенький и хорошо одетый, с темными волосами, с челкой, падающей ему на лоб, румяным лицом и крепкими ножками. Гольфы у него сползли гармошкой на пыльные ботинки, выбившийся конец широкого матерчатого пояса волочился хвостом позади, соломенная шляпа висела на спине. В правой руке мальчик крепко сжимал черепашку, а в левой – коллекцию тщательно подобранных по размеру палочек. Во взгляде его на пирующих за столом ощущалась целенаправленная сосредоточенность. И действительно, не успела мисс Селия даже слова произнести, как он изрек, четко обозначая цель своего визита:

– Я пришел посмотреть павлинов.

– Ну, они скоро... – начала было отвечать мисс Селия, но незнакомец, приблизившись еще на несколько шагов к столу, решительно перебил ее:

- И на кроликов.
- Конечно, но сперва...
- И на кудрявого пса, – заявил предприимчивый молодой человек, еще одним твердым шагом сократив дистанцию между собой и столом. – Вот он!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.